

HSL, Institutt for språk og kultur

Grammatiske transformasjoner av russiske gerundier ved oversetting til norsk

—

Svetlana P. Jakobsen

Masteroppgave i russisk språk RUS -3910 Mai 2016

Innholdsfortegnelse

Введение.....	1
Глава 1. Адекватность перевода и грамматические трансформации.....	3
Глава 2. Грамматическая семантика деепричастий.....	5
2.1 Общая характеристика деепричастия.....	6
2.2 Деепричастие как способ выражения зависимого таксиса.....	7
2.2.1 Понятие таксиса. Зависимый и независимый таксис.....	7
2.2.2 Таксис в узком смысле (одновременность/разновременность).....	8
2.2.3 Деепричастие как признак основного действия.....	13
2.2.4 Таксис в широком смысле: временная соотнесённость + логические отношения.....	15
2.3 Гипотеза о приоритете аспекта над таксисом при выборе видовой формы деепричастия.....	15
Глава 3. Анализ грамматических трансформаций деепричастий.....	18
3.1 Однородные члены предложения (сказуемые и некоторые др.) (предшествование/одновременность).....	19
3.2 Однородные сказуемые при переводе слов автора, вводящих прямую речь 21	
3.3 Придаточные времени и др. конструкции для выражения предшествования.....	22
3.4 Придаточные времени (<i>tidssetninger</i>) и др. конструкции для выражения одновременности.....	25
3.4.1 Конструкции с <i>mens</i>	25
3.4.2 Конструкции с <i>idet</i>	27
3.4.3 Конструкции с <i>der</i>	29
3.4.4 Конструкции с <i>på</i>	30
3.5 Грамматические трансформации, выявляющие логические отношения.....	32
3.6 Нерестриктивные относительные предложения (<i>ikke-restriktive relativsetninger</i>) с <i>som</i>	34
3.7 Предложные конструкции.....	35
3.8 Замена причастием/другой частью речи.....	38
3.9 Деепричастия с отрицанием.....	40
3.10 Трансформация деепричастий в аспектуальную конструкцию, или её часть.....	41
Глава 4. «Работа над ошибками».....	43
Глава 5. Деепричастия в русских переводах.....	49
Заключение.....	54
1 Литература.....	57

1.1	Научная литература.....	57
1.2	Художественная литература.....	58
	Приложение к Главе 5	61

«Деепричастие – самая огнепышущая, самая живая форма глагола. В ней струится самая алая, самая свежая кровь языка. Да ведь и назначение деепричастия – выразить само действие, хотя и добавочное, которое иной раз бывает гораздо важнее основного».

А.К. Югов, писатель и переводчик

Введение

Выбор темы дипломной работы для меня не случаен. Из моей собственной переводческой практики и из наблюдений за работой других переводчиков мне известно, что перевод деепричастных конструкций на норвежский язык вызывает затруднения. Поэтому мне представляется полезным проанализировать возможные способы перевода деепричастных конструкций (ДК), чтобы иметь «набор инструментов», из которого всегда можно выбрать наиболее подходящий способ перевода, исходя из конкретного значения ДК и особенностей конкретного контекста.

Насколько мне известно, подобных исследований на материале русского и норвежского языков до сих пор не проводилось. Существуют работы общетеоретического характера, посвящённые переводческим трансформациям, в том числе и грамматическим, таких видных лингвистов, как [Фёдоров А. В.:1983], [Рецкер Я. И.: 2010], [Бархударов Л. С.:1975], [Швейцер А. Д.: 1988], [Комиссаров В.И.: 2011], [Гарбовский Н. К.: 2007] и др.. Написано немало диссертаций о грамматических трансформациях, в основном при переводе на крупные европейские языки. Можно также найти работы о переводе именно деепричастий, но на всё те же английский, французский, даже китайский и другие крупнейшие языки мира.

Что касается норвежского языка, то в 2011 году была опубликована диссертация Марии Филюшкиной Краве «Converbs in Contrast: Russian Converb constructions and their English and Norwegian counterparts» (Maria Filiouchkina Krave. University of Oslo, 2011), где автор очень подробно рассматривает наряду с английскими, также и норвежские соответствия русским деепричастиям. Хотя моя работа в чём-то и пересекается с диссертацией Марии Филюшкиной Краве, у нас принципиально различный подход к теме деепричастий и их соответствий в норвежском языке. [Maria Filiouchkina Krave: 2011] видит свою задачу в том, чтобы дать наиболее полное представление о семантике русских деепричастий. Её подход к решению этой задачи необычен тем, что она отталкивается от анализа переводов деепричастных конструкций, иными словами – рассматривает русские деепричастия через призму переводов. Я же в моём исследовании иду противоположным путём: от семантики русских ДК к установлению переводческих соответствий в языке перевода (ПЯ). Кроме того, работа [Maria Filiouchkina Krave: 2011] в определённой мере строится также на анализе статистических данных, при этом неудачные грамматические замены при переводе и возможные ошибки никак не учитываются, попадая в общую

статистику. Для моего исследования важно было найти наиболее адекватные способы перевода деепричастий, поэтому мой подход не количественный, а качественный. Более того, в свой материал для анализа я последовательно старалась включать как можно больше разнообразных способов перевода ДК, не забывая об их частотности.

Итак, цель данного исследования – выявить, проанализировать и по возможности систематизировать различные способы перевода одиночных деепричастий и деепричастных оборотов, так как для переводчика очень важно владеть всем «арсеналом» языковых средств языка перевода и различать нюансы для наиболее адекватной передачи содержания переводимого текста.

Метод исследования - сопоставление текстов художественной прозы на русском языке и их переводов на норвежский с целью выявления грамматических замен, применяемых при переводе деепричастий и деепричастных оборотов. Для этого я использовала как печатные издания, так и параллельный корпус RuN (<http://www.nevmenandr.net/run/index.php#>). Оговорюсь, что так как данная работа делалась исключительно на материале произведений русской классической и современной литературы и их переводов на норвежский язык, это исследование имеет определённое ограничение: вне поля зрения остались другие важные функциональные разновидности языка, как например, научные и официально-деловые (в частности, юридические) тексты, в которых деепричастие может выступать в иных значениях.

Работа состоит из пяти глав. В Главе 1 даётся общее представление о сущности перевода и разъясняется понятие *грамматических трансформаций*, как способа преодоления грамматической безэквивалентности. Глава 2 посвящена собственно деепричастию: даётся общая характеристика и раскрывается грамматическая семантика деепричастий совершенного и несовершенного вида. При этом затрагиваются такие темы, как двойственная природа деепричастия, таксис, хронологические и логические значения, высказывается предположение о приоритете аспекта над таксисом при выборе видовой формы деепричастия. Глава 3 является центральной в моём исследовании. В этой главе анализируются и систематизируются грамматические трансформации (замены) деепричастий при переводе на норвежский язык. Моё исследование грамматических трансформаций было бы неполным, если бы я обошла молчанием возможные ошибки при переводе деепричастий и деепричастных оборотов (Д/ДО). Так как я ожидаю практическую пользу от моей работы, Глава 4 посвящена анализу ошибок или просто не очень удачных переводов ДК. Также для полноты освещения темы я сочла целесообразным проанализировать переводы с норвежского языка на русский, чтобы выяснить, какие грамматические и синтаксические конструкции норвежского языка переводятся на русский язык деепричастиями. Об этом в Главе 5.

И наконец, несколько слов о практической пользе этого исследования. Как мне представляется, результаты этой работы могли бы быть полезны при обучении норвежских студентов русскому языку и, наоборот, русских студентов – норвежскому, а также при подготовке переводчиков. Возможно, что данный анализ будет интересен также и профессиональным переводчикам с русского языка.

Глава 1. Адекватность перевода и грамматические трансформации

Уже давно стало общепринятым понимать перевод как адекватную передачу содержания текста средствами другого языка. Адекватность, или полноценность перевода означает точность в передаче смыслового содержания подлинника и функционально-стилистическое ему соответствие при соблюдении норм языка перевода (ПЯ). Требование точности, адекватности связано с тем, что иноязычный получатель перевода – реципиент – считает перевод полностью тождественным оригиналу. Но точность не означает, что перевод должен быть буквальным. Напротив, такой подход, ещё называемый «буквализмом», может привести к большим смысловым потерям. Абсолютное тождество оригинала и перевода недостижимо в силу различий в лексико-семантических системах и грамматическом строе разных языков, а также в силу экстралингвистических факторов, таких как культурные и исторические ассоциации, специфические реалии и т.д.. Справедливости ради надо отметить, что в последнее время в переводоведении отдаются предпочтение термину «эквивалентность», который воспринимается как менее категоричный, чем понятия «тождественность», «точность», «адекватность». В литературе по теории перевода можно найти обширную дискуссию по поводу понимания этого термина. С тех пор, как в 1964 году [Nida, 1964] ввёл понятия *формальная (formal)* и *динамическая эквивалентность (dynamic equivalence)*, уже разработана целая теория многоуровневой эквивалентности (в частности, [Комиссаров, 2011]). Однако теоретикам перевода пока так и не удалось чётко разграничить понятия «эквивалентность» и «адекватность». Не вдаваясь в эти теоретические проблемы, отмечу только, что в данной работе нас будет интересовать то, каким образом достигается переводческая эквивалентность, или если угодно адекватность, при невозможности сохранения синтаксических структур исходного текста (ИТ).

[В.С. Виноградов В. С., 1978: с. 8] писал о переводе, что это «искусство «перевыражения» оригинала в материале другого языка». Как происходит такое «перевыражение»? Многие теоретики перевода считают, что переводчик вычленяет в ИТ единицы перевода (т.е. минимальные единицы текста оригинала, которые переводятся как единое целое) и находит им соответствия в языке перевода. [Я.И. Рецкер, 2010: с. 11-13] выделял три категории таких соответствий:

- 1) «постоянные равнозначные соответствия, как правило, не зависящие от контекста»; (именно такие соответствия [Я.И. Рецкер, 2010: с. 11-13] называл «эквивалентами»)
- 2) «вариантные и контекстуальные соответствия»;
- 3) «все виды переводческих трансформаций».

Таким образом, слово или словосочетание (единица перевода) может обладать однозначной, независимой от контекста соотнесённостью с единицей языка перевода (ПЯ) и передаваться с помощью эквивалентного соответствия. Но гораздо чаще бывает, что единица перевода обладает многозначностью. Тогда значение определяется контекстом и передаётся вариантным соответствием. Когда же такие соответствия в ПЯ отсутствуют, приходится прибегать к переводческим трансформациям.

Для освещения темы данного исследования стоит более подробно остановиться на последней категории. Сам термин «трансформация» пришёл в теорию перевода из генеративной лингвистики, где он обозначает закономерное преобразование основных (ядерных) структур в поверхностные. Идея порождения вторичных языковых структур на основе первичных в известном смысле отражает и суть перевода. Поэтому термин «трансформация» легко переключался в теорию перевода. Хотя как и в отношении термина «эквивалентность» среди лингвистов существуют различия в понимании этого термина. Например, [Л.С. Бархударов., 1975: с. 6] считает, что переводчик, применяя определённые операции («переводческие трансформации») создаёт текст, который находится в закономерных отношениях с исходным текстом. «В своей совокупности эти языковые (межъязыковые) операции и составляют то, что мы называем "процессом перевода" в лингвистическом смысле. Таким образом, перевод можно считать определенным видом трансформации, а именно, **межъязыковой трансформацией**» - пишет он далее. [А.Д. Швейцер, 1988: с. 118] говорит о «замене в процессе перевода одной формы выражения другой, замене, которую мы образно называем превращением или трансформацией». И далее автор называет переводческие трансформации *межъязыковыми операциями «перевыражения» смысла*. С этими лингвистами спорит [Н.К. Грабовский, 2007: с. 363]. Он исходит из того, что предметом трансформации является не сам исходный текст, а «**система смыслов**, заключённая в формах исходного текста и **осознанная переводчиком**» (выделено Грабовским). Если же, как он пишет, система смыслов ИТ не подверглась никакому изменению (т.е. перегруппировке, добавлениям, опущениям отдельных элементов смысла), то никакой трансформации не произошло, «произошло именно *перевыражение* того же самого смысла средствами иного языкового кода.» [Н.К. Грабовский, 2007: с. 363] Причиной необходимости переводческих трансформаций он называет *асимметричность систем любой пары языков, сталкивающихся в переводе*. При этом он отмечает, что такие системы имеют, как правило, и зоны совпадения значений. Если переводимый фрагмент полностью попадает в такую зону, то никаких трансформаций не нужно. Грабовский приводит в качестве примера простое высказывание на французском языке и его «перевыражение» с помощью русского языкового кода, мы же можем то же самое проделать с норвежским высказыванием:

Oslo er Norges hovedstad og største by.

Осло – столица и самый крупный город Норвегии.

По своей грамматической структуре русское высказывание отличается от норвежского (отсутствие глагола-связки, выражение генитива, превосходной степени), однако смысл сохранён полностью, а значит здесь нет и трансформации, потому что трансформации, по мнению Грабовского, «затрагивают области смысла». [Н.К. Грабовский, 2007: с. 365]

Рассуждение Грабовского заслуживает, на мой взгляд, внимания, так как позволяет разграничить полноценные «перевыражения» единицы перевода в ИТ с помощью языкового кода ПЯ, с одной стороны, и переводческие трансформации – с другой.

Что касается типологии трансформаций, то здесь также высказываются разные точки зрения, но почти все классификации опираются на уровни языковой системы, и при этом как правило различаются лексические (или лексико-семантические) и грамматические преобразования, или трансформации.

Здесь мы подошли собственно к предмету этого исследования – грамматическим трансформациям. Их необходимость обусловлена различиями в грамматическом строе ИЯ и ПЯ. Если сопоставить, например, грамматические категории и формы в русском и норвежском языках, то мы обнаружим следующее: 1) полное совпадение (например, наличие категории числа у существительных, основывающейся на оппозиции единственного и множественного числа, наличие сравнительных степеней прилагательных), 2) частичное совпадение (категория времени у глагола, выражение модальности), 3) несовпадение, т.е. отсутствие той или иной категории в одном из языков (категория определённости/неопределённости, выражаемая артиклем в норвежском, категория глагольного вида в русском языке). Грамматические трансформации актуальны во втором и третьем случаях, т.е. когда единицы ИЯ не имеют регулярных соответствий в ПЯ. Это могут быть морфологические формы (например, перфектные формы глагола в норвежском языке), или части речи (артикли), или некоторые синтаксические конструкции (объектный инфинитивный оборот – objektsinfinitiv – в норвежском). [Комиссаров, 2011] называет такие единицы *безэквивалентными грамматическими единицами*, определяя их как «грамматические формы и структуры ИЯ, не имеющие однотипных соответствий в ПЯ».

Каковы же пути преодоления грамматической безэквивалентности? Практика перевода показывает, что важнейшими грамматическими трансформациями являются замены частей речи, членов предложения, полная или частичная перестройка синтаксиса. Переводчики также могут прибегать к объединению или членению предложений. Сюда, на мой взгляд, можно было бы добавить и введение дополнительных лексических единиц для выражения грамматических значений.¹ Некоторые из перечисленных видов грамматических трансформаций будут рассмотрены далее на конкретном материале в Главе 3.

Итак, под грамматическими трансформациями мы будем в дальнейшем понимать необходимые для достижения эквивалентности перевода преобразования, затрагивающие грамматическую структуру высказывания. Этот переводческий приём используется при отсутствии регулярных соответствий между грамматическими формами и категориями ИЯ и ПЯ. Одной из таких форм в русском языке, не имеющих соответствия в норвежском, является **деепричастие**.

Глава 2. Грамматическая семантика деепричастий.

Для того, чтобы при переводе находить наиболее адекватный способ замены деепричастия, необходимо понимать лексико-грамматическую наполненность данного конкретного деепричастия в конкретном контексте. Для этого, в частности, надо знать, какие грамматические значения могут выражать

¹ например, использование в некоторых контекстах указательного местоимения для передачи категории определённости при переводе с норвежского на русский, или при переводе с русского на норвежский – передача начинательного способа действия: завыла – begynte å hyle

деепричастия. Исследованию грамматической семантики русских деепричастий и посвящена эта глава.

В начале главы даётся общая характеристика деепричастия с учётом наиболее распространённых в русистике точек зрения на деепричастие. При этом подчёркивается двойственность деепричастия. В связи с тем, что деепричастие принято считать прототипом зависимого таксиса, я кратко останавливаюсь на понятии «таксис», который по-разному понимается языковедами-русистами. Опираясь на точку зрения, что таксис охватывает как хронологические, так и логические отношения между предикатами, я на примерах рассматриваю различные значения деепричастий несовершенного и совершенного вида (далее НСВ и СВ). Этот анализ подводит меня к гипотезе о том, что выбор видовой формы деепричастия зависит не от таксисных отношений, а от аспектуальной характеристики выражаемого им действия.

Сразу надо отметить, что предлагаемый анализ не претендует на исчерпывающую полноту уже хотя бы потому, что границы значений часто расплывчаты. Кроме того, как указывалось во Введении, в качестве материала для исследования я использовала исключительно художественную литературу, что также вносит определённые ограничения.

2.1 Общая характеристика деепричастия

Как известно, деепричастие в русском языке образовалось из кратких действительных причастий прошедшего и настоящего времени, утративших категории рода, числа и падежа. Причастия прошедшего времени дали деепричастия на –в /-вши (-ши), а причастия настоящего времени – деепричастия с суффиксами –а/-я и –учи. И хотя оформление полипредикативных конструкций в русском языке пошло в основном по пути использования сложных предложений с двумя или более финитными глагольными формами, возникновение деепричастий (возможно, под влиянием церковно-славянского языка) открыло также возможность использования конструкций из одной финитной и одной нефинитной формы (деепричастия). При этом, как отмечает Колесов, «... второй путь давал возможность выразить неравноправность двух частей, входящих в одно сложное предложение, показывал, какое из этих предложений является зависимым...». [Колесов, 2008:492] Таким образом, деепричастие в русистике традиционно понимается как член полипредикативной конструкции, возглавляющий зависимую клаузу. Так например, [Шахматов, 2001(1941)] определяет деепричастие как «второстепенное», или «придаточное сказуемое». По терминологии [Гвоздева, 1973], деепричастие обозначает «добавочное действие», ему вторят другие русисты, говоря о «второстепенном действии» [Исаченко, 1974], [Козинцева, 1990], [Колесов, 2008]

Но это с точки зрения функции деепричастия в предложении. Говоря же о морфологии деепричастия, принято указывать на его двойственность. Большинство русистов сходятся во мнении, что деепричастие является особой формой глагола, соединяющей в себе признаки глагола и наречия. Так например, Пешковский называл деепричастие «смешанной частью речи» [Пешковский, 2001: 104], а Виноградов - «гибридной наречно-глагольной формой». [Виноградов В. В., 1972]

Однако, дело не только в том, что деепричастие, сохраняя признаки глагола, как то вид, возвратность, залог, а также характерное для исходного глагола управление в словосочетании, в то же время подобно наречию морфологически неизменяемо. В «Русской грамматике» [РГ АН СССР, 1980, I: 672] деепричастие определяется как «атрибутивная форма глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи: глагола и наречия, т. е. значения действия и обстоятельственно-определяющее». Иными словами, двойственна сама грамматическая семантика деепричастия, что проявляется в его синтаксических функциях.

Признание функциональной двойственности деепричастия содержится и в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под ред. В.Н. Ярцевой [Москва, 1990]. Определяя деепричастие как «второстепенное действие, подчинённое главному», авторы статьи, посвящённой деепричастию, отмечают: «Функция деепричастия в предложении обычно определяется как второстепенное сказуемое (А. А. Шахматов), однако некоторые учёные считают деепричастие также обстоятельством. В русском языке деепричастие может выполнять обе функции».

С точки зрения типологии деепричастие относится к более общему классу конвербов, которые [Haspelmath, 1995: с. 3] определяет как *a nonfinite verb form whose main function is to mark adverbial subordination*.

2.2 Деепричастие как способ выражения зависимого таксиса

Рассматривая грамматическую семантику деепричастий, невозможно обойти молчанием уже прочно утвердившееся представление о том, что «видовые формы деепричастия служат для выражения семантики таксиса» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990].

2.2.1 Понятие таксиса. Зависимый и независимый таксис

Как известно, термин «таксис» был введён Р.О. Якобсоном в статье «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол». По определению автора, «таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения». [Якобсон, 1972: 101] Он же выделил два типа таксиса: зависимый и независимый. Первый определяется как «указывающий на сообщаемый факт, сопутствующий другому – главному – сообщаемому факту» [Якобсон, 1972: 106] Прототипической формой зависимого таксиса в русском языке считается именно деепричастие.

Надо отметить, что многие лингвисты, начиная с самого Якобсона, понимают таксис шире, чем просто выражение хронологических отношений. Сам Якобсон замечает, что «относительное время» лишь одна из разновидностей таксиса. Ю.М. Маслов, говоря о таксисных значениях, пишет, что «в первую очередь имеются в виду хронологические соотношения (одновременность – предшествование – следование), но отчасти и известные логические связи». [Маслов 1978: с. 8] По мнению Храковского, надо различать два принципиально разных случая. В первом случае он видит выражение только хронологических отношений одновременности, предшествования или следования. Вторым случаем он считает, когда таксисные отношения «являются фоновыми, сопровождающими другие

основные значения логической обусловленности (причины, условия, уступки, цели и т.п.), образуя вместе с ними один кластер». [Храковский, 2009: с.13]

Храковский хорошо знаком с работами А.В. Бондарко, который, по его словам, очень много сделал для изучения и теоретического осмысления категории таксиса. Последний определяет инвариантное значение таксиса как «выражаемую в полипредикативных конструкциях временную соотносённость действий, соотносённость в рамках единого временного плана», и далее перечисляет основные варианты таксиса:

а) отношение одновременности/неодновременности (что, очевидно, соответствует «выражению хронологических отношений» у Храковского);

б) временная соотносённость действий в сочетании с отношениями обусловленности («второй случай» по Храковскому).

Кроме того, Бондарко выделяет третий вариант, который был опущен Храковским:

в) взаимосвязь действий в рамках единого временного плана при неактуализованности указанных выше хронологических отношений» [Бондарко, 2002: с. 505-506].

По поводу последнего варианта Бондарко отмечает, что «подобные высказывания относятся не к центру таксиса, а к периферии, перед нами не прототип таксиса, а один из элементов окружения прототипа». [Бондарко, 2002: с. 507]. Тем не менее стоит обратить внимание на этот последний вариант таксиса по Бондарко, так как он позволяет объяснить некоторые на первый взгляд «трудные случаи» взаимодействия основного и сопутствующего действия, выраженного деепричастием. К этому мы ещё вернёмся в конце этой главы, в п. 2.3. Для нас сейчас важно отметить, что деепричастие не всегда выражает временную соотносённость с основным предикатом. Более подробно это будет рассмотрено ниже.

2.2.2 Таксис в узком смысле (одновременность/разновременность)

Прежде всего остановимся на зависимом таксисе в узком смысле: выражение чисто хронологических отношений между главным предикатом и второстепенным, выраженным деепричастием, вне зависимости от временной локализации сообщаемого факта по отношению к самому факту сообщения (одновременность/разновременность). Каноническое правило заключается в том, что одновременность выражается деепричастиями НСВ, а разновременность (предшествование/следование) – деепричастиями СВ.

Рассмотрим примеры употребления деепричастий НСВ:

- (1) *Теперь, сидя с ней в столовой, чокаясь рюмками под холодную зернистую икру, он уже знал, почему так влечет его она... (И. Бунин) (НСВ) [НСВ, прош.]*
- (2) *Ложась спать, он вспомнил, что она ещё так недавно была интитуткой... (А. Чехов) (НСВ) [СВ, прош.]*

- (3) *Служанка из соседнего дома видела Ахимаса, когда он быстро шёл от места убийства, вытирая нож пучком травы. (Б. Акунин) [НСВ, прош.] (НСВ)*
- (4) *С пола медленно поднялся Гаркунов, вытирая рукавом кровь с лица. (В. Шаламов) [СВ, прош.] (НСВ)*

Здесь, как видим, действие, выраженное деепричастием, совершается одновременно с действием в главной клаузе. Обратим внимание на то, что это значение одновременности не зависит от позиции деепричастия по отношению к опорному слову, а также от вида глагола в главной клаузе. Впрочем, в примерах (1) и (2) можно говорить о том, что деепричастная конструкция создает фон для действия в главной клаузе, в то время как в примерах (3) и (4) они скорее характеризуют основное действие.

Но всегда ли деепричастия НСВ выражают действие, одновременное с главным действием? Рассмотрим следующий пример:

- (5) *Никита, приезжая в Питер, становился вольным слушателем этого ходячего университета. (Н. Ключарёва) (НСВ) [НСВ, прош.]*

В данном случае скорее имеет место последовательность действий: *приезжал и становился*. Чтобы найти объяснение этому «исключению из правила», уместно будет обратиться к [Виноградову В. В., 1972], который хотя и не говорит о таксисе, пишет о деепричастии НСВ, что в предложении «вневременность этой формы понимается как одновременность с главным действием.» И далее: «Впрочем, в тех случаях, когда в высказывании подчеркивается видовое значение повторяемости, кратности, обычности, деепричастие несовершенного вида может выражать побочное действие, не одновременное основному действию, а лишь всегда сопутствующее ему, хотя бы в порядке предшествования.» (выделено мной – С.Я.) Сам Виноградов приводит следующие примеры:

- (6) *Вставая на рассвете, она спускалась в кухню и вместе с кухаркой готовила закуску к чаю. (М. Горький)*
- (7) *Иногда Илья целые дни не замечал отца и, вдруг являясь в контору, влезал на колени, приказывал... (М. Горький)*
- (8) *Раза два в год бывал в Москве и, возвращаясь оттуда, шумно рассказывал сказки о том, как преуспевают столичные промышленники. (М. Горький)*

Эти предложения без ущерба для смысла можно переделать, заменив деепричастия на финитные формы глагола. Например:

Она вставала на рассвете, спускалась в кухню и вместе с кухаркой готовила закуску к чаю.

При этом, как видим, последовательные действия выражены глаголами НСВ, что продиктовано обычностью, многократным повторением этих действий. Точно также и в предложении с деепричастной конструкцией выбор НСВ обусловлен, очевидно, обычностью, повторяемостью описываемой ситуации,

последовательность же действий выражается порядком предикатов в предложении, а не видом деепричастия.

В двух следующих примерах ситуация также многократно повторяется:

(9) *Приехав в Москву, она останавливалась в «Славянском базаре» и тотчас же посылала к Гурову человека в красной шапке. (А. Чехов)*

(10) *Проснувшись, Каштанка начинала ходить по комнате и обнюхивать углы. (А. Чехов)*

Чем же тогда можно объяснить употребление деепричастий СВ в этих примерах? Чехов и Горький были современниками, поэтому сразу приходится отбросить мысль о диахронических изменениях в языке. Можно предположить, особенно учитывая, что деепричастие – явление относительно молодое в русском языке и система ещё не устоялась, что при употреблении деепричастий в подобных аспектуально-таксисных ситуациях возможны варианты. Но возможно также, что выбор видовой формы деепричастия в таких конструкциях зависит от того, что автору представляется более существенным: повторяемость или завершённость/результативность действия, выраженного деепричастием. Как правило, с помощью форм НСВ автор «рисует картину», действие замедляется, разворачиваясь во времени, а формы СВ делают повествование более динамичным. Таким образом, выбор видовой формы деепричастия, возможно, зависит от намерений автора. Этот вопрос остаётся пока открытым, так как он нуждается в дополнительном изучении и осмыслении.

Обратимся теперь к деепричастиям СВ. Если говорить о таксисных значениях деепричастий СВ, то прототипическим следует признать выражение предшествования. При этом деепричастие находится как правило в препозиции, т.е. перед опорным словом, что отражает последовательность действий в описываемой ситуации (иконичность):

(11) *Половой позвонил в электрический звонок и, получив свой рубль, с поклоном удалился. (Б. Акунин) (СВ) [СВ, прош.]*

(12) *Сбросив рюкзак, Георгий стоял посреди двора, морщился от прямого сильного солнца и вдыхал сладкий, густой запах. (Л. Улицкая) (СВ) [НВ, прош.]*

Но значение предшествования может также быть выражено деепричастием СВ в постпозиции:

(13) *Засада состояла из Олега, сержанта и ещё троих солдат, они сидели за большим камнем, положив на него автоматы. (Л. Петрушевская) [НВ, прош.] (СВ)*

Хотя здесь и имеет место нарушение естественной последовательности действий, это нам не мешает правильно воспринимать ситуацию. А сама постановка деепричастия в постпозицию в данном случае оправдана наличием в деепричастной конструкции указания на косвенный объект в главной клаузе.

Другой пример:

(14) На этом Немчинов остановился, устав шутить, да и что за шутки, от которых сам не получаешь удовольствия? (А. Славовский, из НКРЯ)

Здесь, очевидно, постанковка деепричастия СВ в постпозицию мотивирована прежде всего ролью деепричастного оборота, как логического связующего звена между частями сложного предложения (шутить – шутки). Иными словами нарушение принципа иконичности может объясняться потребностями структурной организации предложений. Тем не менее это не препятствует правильному восприятию хронологических отношений, выражаемых деепричастием СВ.

Однако, необходимо подчеркнуть, что деепричастия СВ представляют собой гораздо более сложную картину. Обратимся к следующему примеру:

(15) И по-староофицерски резко поклонился, бросив вниз стриженую нуд к выходу. (Л. Улицкая) [СВ, прош.] (СВ)

Что в данном случае выражает деепричастие? Очевидно, что не предшествование и вообще не одновременность. Но можем ли мы считать это действие одновременным с действием в главной клаузе? Вероятно, что нет, так как это не два разных действия, а одно: деепричастие не выражает действия, сопутствующего главному, а уточняет, детализирует действие в главной клаузе.

Следующий пример, взятый из «Анны Карениной» Л.Н. Толстого, приводит в своей работе [Виноградов В. В., 1972]:

(16) Он быстрыми костлявыми пальцами растегнул сюртук, открыв рубаху навыпуск, медные пуговицы жилета и цепочку часов, и быстро достал толстый старый бумажник. (Л.Н.Толстой) [СВ, прош.] (СВ)

При этом [Виноградов В. В., 1972] поясняет, что в деепричастных конструкциях, «не выражающих предшествования, деепричастие совершенного вида, примыкая к глаголу, облеченному в форму прошедшего времени совершенного вида, и стоя позади него, обозначает действие, не предшествующее и даже не одновременное, а как бы непосредственно последующее, являющееся органическим следствием основного действия. Деепричастие в этих случаях обозначает следствие, сопутствующее основному действию, выражает результат, осуществление которого обусловлено совершением основного действия.» (В.В. Виноградов) (выделено мной – С.Я.)

Следует согласиться с В.В. Виноградовым, что в таких случаях деепричастие СВ обозначает следствие, или результат действия в главной клаузе, но с одним уточнением: здесь, как и в (15), не два действия, а одно. Персонаж Толстого растёгивает сюртук, и становится видна его рубаха навыпуск.

Примеры деепричастных конструкций со значением логического следствия, результата найти не так уж сложно:

(17) Стараясь за что-нибудь ухватиться, Берлиоз упал навзничь, несильно ударившись затылком о булыжник... (М. Булгаков)

(18) *Медя прицепила последнюю простыню, и она полетела, накрыв собой половину детского облачка, случайно забредшего в голое небо. (Л. Улицкая)*

(19) *Пилат усмехнулся одною щекой, оскалив желтые зубы... (М.Булгаков)*

[Виноградов В. В., 1972] указывает, что деепричастие СВ в подобных случаях, стоит позади глагола (см. цитату выше). С моей точки зрения, это единственно возможная позиция деепричастия СВ в значении следствия, результата, так как она отражает естественную логическую цепочку: действие – его результат.

Казалось бы, что все эти случаи, которые не вписываются в общую картину, касаются только деепричастий СВ в постпозиции. Но это не совсем так, и это видно на следующем примере:

(20) *И, раскатив букву "р" над молчащим городом, он прокричал — Варраван! (М.Булгаков)*

Чем объяснить употребление деепричастия СВ в препозиции для выражения отнюдь не предшествования второстепенного действия главному, а их очевидной одновременности? Ответ будет также очевиден, если второстепенный предикат заменить на деепричастие НСВ:

И, раскатывая букву "р" над молчащим городом, он прокричал...

В таком случае читатель ожидает, что буква «р» повторяется в прямой речи более одного раза. Иными словами, в исходном предложении использование деепричастия СВ мотивировано одноразовостью действия, при этом хронологические отношения отступают на задний план.

Мы уже убедились, что деепричастия СВ далеко не всегда выражают таксисные отношения разновременности. Вот ещё примеры:

(21) *Каифа вежливо поклонился, приложив руку к сердцу, и остался в саду... (М. Булгаков)*

(22) *Тут в уши ему ударил несколько раз железный рубленый крик — в когортах, взбросив вверх копья и значки, страшно прокричали солдаты... (М. Булгаков)*

Если мысленно представить себе эти сцены, то станет ясно, что в обоих случаях главное и второстепенное действия происходят одновременно. Вновь возникает вопрос: чем мотивировано употребление деепричастия СВ? Для ответа на него можно применить тот же самый приём замены на НСВ, так как он даёт почувствовать разницу. В данном случае предложения просто становятся бессмысленными, так как деепричастие НСВ сохраняет присущее исходному глаголу видовое свойство показывать действие как процесс, фон для другого действия, что совершенно неприемлемо в этих двух случаях. Действие здесь должно быть кратким, результативным, что вероятно также диктуется видом глагола-сказуемого. Деепричастие НСВ можно было бы использовать, но тогда в сочетании с главным предикатом, выраженным глаголом НСВ. Однако смысл тогда изменится:

Каифа вежливо кланялся, прикладывая руку к сердцу...

... взбрасывая вверх копья и значки, страшно кричали солдаты...

Можно заметить, что вид деепричастия в исходных и изменённых предложениях как бы согласуется с видом глагола-сказуемого. Возможно, было бы интересно проверить, чем это мотивировано, в каких именно аспектуально-таксисных ситуациях это происходит. Но это выходит за рамки этой главы, так как она прежде всего посвящена описанию грамматической семантики деепричастий.

Итак, говоря о грамматическом значении деепричастий в приведённых выше примерах ((20) – (22)), можно вновь обратиться к В.В. Виноградову, который сделал по этому поводу много полезных наблюдений. [Виноградов В. В., 1972] писал: «Наблюдается и другая серия конструкций, в которых деепричастие совершенного вида обозначает побочное одновременное действие, сплетенное с действием глагола-сказуемого, включенное в него как его составная часть или образующее вместе с ним один сложный акт». Далее в своей работе он предлагает несколько примеров, среди которых есть в частности следующий:

(23) *"Мать уложила его в постель, накрыв бледный лоб полотенцем (М. Горький)*

Привожу здесь именно этот пример, потому что его используют и другие исследователи. Хотя в отличие от В.В. Виноградова, некоторые усматривают здесь таксисные отношения следования.

Точка зрения В.В. Виноградова представляется однако более правильной. Случаи употребления деепричастий СВ в значении следования, т.е. действие совершается по завершении действия в главной клаузе, встречаются крайне редко:

(24) *В конце девятого класса Ника завела увлекательный роман с молодежным поэтом, входившим в бурную моду, и, не закончив последней четверти, укатила с ним в Коктебель, сообщив об этом телеграммой постфактум, уже из Симферополя. (Л. Улицкая)*

Как видим, в отличие от (22) деепричастие СВ не является здесь частью сложного акта. Это также не логическое следствие, как в (15) – (19). Но думается, что такое употребление невозможно без лексических средств выражения отнесённости ко времени после действия в главной клаузе (здесь «постфактум» и «уже»)

Ещё один пример, но уже не из художественной литературы, а из руководства по выращиванию цветов:

(25) *Если вы используете при выращивании искусственное освещение, то можете увеличить продолжительность светового дня на один час, получив в результате 16 часов.*

Таким лексическим средством, указывающим на отношения следования, является здесь «в результате». Если опустить это слово, смысл становится неясным. Отметим также, что деепричастие в конструкциях, выражающих следование, обязательно находится в постпозиции.

2.2.3 Деепричастие как признак основного действия

Продолжая разбор значений деепричастий СВ в постпозиции, рассмотрим следующий пример:

(26) *Она молчала, опустив глаза. (Л. Улицкая)*

Деепричастие здесь обозначает скорее не побочное действие, а состояние, одновременное с основным действием, приближаясь по своему значению к наречию. Ещё пример:

(27) *Сонечка доверчиво спала почти все время их путешествия, упершись ногами в пышный узел одеяла и привалившись плечом к худой груди мужа ... (Л. Улицкая)*

Анализируя подобные конструкции с деепричастиями СВ, [Виноградов В. В., 1972] пишет: "Категория преждевременности ассоциируется с представлением о результативности", — заметил А. А. Шахматов. А результативное значение формы прошедшего времени в современном русском языке связано с выражением отношения к настоящему времени или ко времени другого действия.» Отсюда [Виноградов В. В., 1972] делает вывод, что деепричастие СВ может выражать значение «состояния, возникшего как результат осуществленного действия и в то же время сопровождающего другое действие (глагол-сказуемое) как обстоятельство способа или образа этого действия...» Заслуживает внимания наблюдение В.В. Виноградова, что такие деепричастные обороты могут, как правило, быть заменены синонимическими конструкциями из страдательного причастия и существительного в творительном падеже с предлогом *с*. (Забегая вперёд отмечу, что такие замены часто используются при переводе деепричастий со значением образа действия, см. Гл. 3, *тед+сущ.*) Приведём примеры:

(28) *В первом ряду перед началом представления стояли местные франты, заложив руки назад... (А. Чехов) – с заложенными назад руками*

(29) *За жизнь своей подруги она следила, как за передвижением кометы: запрокинув голову и открыв рот. (Н. Ключарёва) – с запрокинутой головой и открытым ртом*

Могут быть и другие синонимические замены с существительными:

(30) *...Берлиоз спросил, криво усмехнувшись... (М. Булгаков) – с кривой усмешкой*

Возможность заменить деепричастие конструкцией с существительным в творительном падеже лишний раз подтверждает, что деепричастие в этих случаях сближается по своей семантике с наречием и обозначает уже не дополнительное действие, а признак основного действия.

Приведём ещё примеры:

(31) *Но прокуратор, по-прежнему не шевелясь и ничуть не повышая голоса, тут же перебил его ... (М. Булгаков)*

(32) *Парень заорал, схватившись обеими руками за грудь, повалился на пол и забился в судорогах. (Б. Акунин)*

Замена деепричастия конструкцией с существительным в этих примерах практически исключена. Однако, как видим, сближение деепричастия с наречием,

а отсюда и функция обстоятельства образа или способа действия возможны как для деепричастий СВ (32), так и НСВ (31).

2.2.4 Таксис в широком смысле: временная соотнесённость + логические отношения

До сих пор мы рассматривали хронологические отношения, выражаемые деепричастиями НСВ и СВ. Но на хронологические отношения часто накладываются ещё и логические отношения между компонентами полипредикативной конструкции, как то:

- причины

(33) *Сонечка сводила плечи, сутулилась, носила широкие балахоны, стесняясь своего никчемного богатства спереди и унылой плоскости сзади. (Л. Улицкая)*

(34) *Занявшись паскудным котом, Иван едва не потерял самого главного из трех — профессора. (М. Булгаков)*

- условия

(35) *Прорезав длиннейшую очередь, начинавшуюся уже внизу в швейцарской, можно было видеть надпись на двери, в которую ежесекундно ломился народ : «Квартирный вопрос». (М. Булгаков)*

(36) *Званный вечер в Доме Мешкова. Зайдя 14 мая в краевой музей, вы окажетесь на балу у самого Мешкова—знаменитого купца и бывшего владельца дома, где сейчас выставляются экспонаты. (из НКРЯ)*

- уступки

(37) *Говорил он так, что, даже не видя его лица, вы по одному звуку его голоса чувствовали, что он улыбается. (И. Тургенев)*

- цели

(38) *В пустынном безотрадном переулке поэт оглянулся, ища беглеца, но того нигде не было. (М. Булгаков)*

- и логического следствия

(39) *1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу, **развязав** тем самым Вторую мировую войну (пример из Русской корпусной грамматики)*

2.3 Гипотеза о приоритете аспекта над таксисом при выборе видовой формы деепричастия

Итак, исследуя грамматическую семантику деепричастий, мы подробно останавливались на таксисных отношениях и видели, что деепричастия СВ далеко не всегда выражают разновременность и, напротив, деепричастия НСВ могут выражать предшествование. Попытки понять и объяснить эти отступления от общей тенденции подводят к мысли о том, что таксисные отношения, выражаемые деепричастиями, тесно связаны с аспектуальностью. Как мы помним, повторяемость, обычность действия выражается деепричастием НСВ

несмотря на отношения предшествования (примеры (5) – (8)). Завершённость действия - деепричастием СВ при одновременности двух действий (примеры (21) – (23)).

Здесь уместно вновь обратиться к Бондарко, который, рассматривая таксис в качестве компонента аспектуально-темпорального комплекса, писал: «Таксисные ситуации всегда заключают в себе единство собственно таксисных и аспектуальных элементов. По существу это всегда аспектуально-таксисные ситуации.» [Бондарко, 2002: 508] Далее он рассматривает это на примере независимого таксиса. Говоря же о деепричастных конструкциях, он ограничивается следующим утверждением: «... сама форма деепричастия...выражает лишь значение сопутствующего действия. Отношения же одновременности и предшествования обусловлены глагольным видом.» [Бондарко, 2002: 509] Тем самым Бондарко отсылает читателя к уже ставшему расхожим представлению о том, что деепричастия СВ выражают разновременность, а деепричастия НСВ – одновременность. А для объяснения, как он пишет, «трудных случаев» у Бондарко есть формула «взаимосвязь действий в рамках единого временного плана при неактуализованности ... хронологических отношений». (см. выше п. 2.2.1) Действительно, даже только на материале этой работы видно, что существует достаточно много ситуаций с деепричастными конструкциями, в которых хронологические отношения не актуальны. Однако мысль Бондарко о связи с семантикой аспектуальности, на мой взгляд, следовало бы развить дальше: выбор глагольного вида деепричастия зависит от аспектуальной характеристики выражаемого им действия, или даже, может быть, шире – всей ситуации.

Представляется, что к такому пониманию близок [G. C. Rappaport, 1984: 88], когда он, анализируя ДК, во-первых, приходит к выводу: «We conclude, then, that imperfective AvPrt's, like perfective AvPrt's, have no inherent tense meaning.» (Под AvPrt - Adverbial Participle – здесь понимается деепричастие). И далее, перед тем, как приступить к анализу выбора вида деепричастия в повторяющейся ситуации (4.1 Repeated events and the aspectual form of an AvPrt), [G. C. Rappaport, 1984: 142] замечает: «Returning now to AvPrt's, in most cases there is no difference in aspectual usage between an AvPrt and the predicate of an independent clause. The aspectual form of the verb will be the same for a given situation, whether it is described by an independent clause or an AvPrt clause.» Но в центре внимания автора – различие между обособленными и необособленными ДК, и он не развивает эту мысль дальше, ограничиваясь рассмотрением аспектуальности в повторяющейся ситуации. На мой взгляд, стоило бы проверить это утверждение в приложении ко всем возможным аспектуально-темпоральным ситуациям, но это материал для отдельного исследования.

Вывод о том, что выбор вида деепричастия зависит прежде всего от аспектуальной характеристики ситуации, вполне соответствует аспектуально-темпоральной системе русского языка в целом. Эта система сформировалась исторически в результате постепенного исчезновения имперфекта, плюсквамперфекта и аориста, т.е. глагольных форм выражения категории относительного времени. При этом появилась оппозиция СВ и НСВ, которая частично восполняет этот пробел.

Выражаемая СВ завершённость/результативность действия предполагает, что действие или закончилось до момента речи, или будет окончено в будущем, поэтому глаголы СВ не имеют настоящего времени. В полипредикативных конструкциях с деепричастиями второстепенное действие соотносится с главным, т.е. вместо «момента речи» такой точкой отсчёта является главный предикат. Перефразируя слова А.А. Шахматова, можно сказать, что представление о результативности ассоциируется с категорией преждевременности. Отсюда и возникает прототипическое значение деепричастия СВ, а именно: предшествование. Напротив, НСВ выражает прежде всего незавершённость действия, что предопределяет прототипическое таксисное значение деепричастий НСВ – одновременность.

Однако в системе русского языка характер протекания действия, его протяжённость во времени, завершённость/результативность или напротив незавершённость и т.д. оказываются важнее хронологических отношений. Думается, что именно этим можно объяснить рассмотренные выше отступления от общего правила, в то время как прототипические таксисные значения возможны только тогда, когда таксис не вступает в конфликт с аспектуальностью. Пока это только гипотеза, которая возникла по ходу анализа таксисных значений деепричастий, и конечно, она нуждается во всесторонней проверке.

* * *

Подводя итоги этого небольшого исследования грамматической семантики деепричастий, следует иметь в виду, что изначально деепричастие было зависимым предикатом полипредикативной конструкции (второстепенное сказуемое). Постепенно оно стало приобретать определительно-обстоятельственное значение и сближаться с наречием (особенно в постпозиции). Это привело к большому разнообразию грамматической семантики деепричастий. Прототипическим значением деепричастия является выражение соотносённости во времени с действием в главной клаузе (зависимый таксис в узком смысле). На таксисные значения могут накладываться значения логические: причины, условия, уступки, цели, следствия.

Однако, возможны случаи, когда деепричастие не выражает таксиса в его общепринятом понимании. Например, при обычности, повторяемости ситуации – (5)-(8), или когда деепричастие уточняет основное действие – (15), или имеет значение результата, логического следствия основного действия – (16)-(19), или составляет один сложный акт с основным действием, или, наконец, является признаком основного действия (26)-(30). Но все эти значения сами по себе не объясняют, почему хронологические отношения становятся неактуальными, а если и выражаются, то не видом деепричастия, а порядком слов (примеры с деепричастиями НСВ – (5)-(8)).

По этому поводу была предложена гипотеза о приоритете аспекта над таксисом. Так например, мы видели, что конфликт между таксисным значением предшествования и аспектуальным значением обычности, повторяемости действия разрешается в пользу аспекта, и в таком случае употребляется деепричастие НСВ ((5) – (8)). Напротив, деепричастие СВ может обозначать действие, одновременное с основным действием. При этом оно чаще стоит в постпозиции и имеет скорее адвербиально-определяющее значение, выполняя

функцию обстоятельства образа или способа действия. В этих случаях аспектуальная характеристика действия оказывается важнее хронологической соотнесённости действий: одноразовость действия - (20), краткость и результативность действия - (21) - (22), сюда же отнесём примеры (26) - (30), которые были описаны как состояние в результате действия. Мы отметили также, что есть случаи, когда вид деепричастия как бы задается видом главного предиката, например в (15), (21), (22).

Из этого вытекает, что выбор видовой формы деепричастия зависит не от таксисных отношений, а от видовой характеристики действия, выраженного деепричастием, и поэтому следует говорить о том, что деепричастие выражает не таксисные, а аспектуально-таксисные отношения.

Вышесказанное означает, что на практике при переводе надо учитывать аспектуально-таксисную ситуацию в целом, а не исходить из представления о том, что деепричастие СВ выражает разновременность, а НСВ - одновременность. Кроме того, выше были перечислены разнообразные значения, приобретаемые деепричастиями в контексте. Умение выявить эти значения даёт переводчику возможность подобрать наиболее адекватный способ перевода деепричастной конструкции. О том, какие это могут быть способы, или переводческие трансформации, речь пойдёт в следующей главе.

Глава 3. Анализ грамматических трансформаций деепричастий

В качестве материала для этой главы использовались переводы на норвежский язык произведений русской художественной прозы. Всего было собрано и проанализировано 250 примеров употребления деепричастий (каждое предложение с двумя или более деепричастиями учитывались как один пример) и их переводы на норвежский язык. Как уже отмечалось во введении, подход к отбору материала для анализа был качественный. Материал должен был отражать весь спектр возможных грамматических трансформаций деепричастий, интерес представляли в одинаковой мере все способы перевода, независимо от их частотности. На практике это означало, что примеры, полностью совпадавшие по своим характеристикам с ранее мною зарегистрированными, не попадали в мою базу данных. Напротив, туда включались те примеры, которые отличались какими-то особенностями и могли внести что-то новое в понимание исследуемого предмета. Таким образом, моя база данных никак не может служить основой для какой-либо статистики. Для этих целей следует обратиться к [Maria Filiouchkina Krave, 2011]. Однако мой материал позволяет делать детальный анализ внутри разных типов грамматических трансформаций, сопоставлять переводческие приёмы, учитывать контекст и в конечном итоге видеть все те многочисленные нюансы, которые имеют значение для наилучшего выбора замены ДК при переводе.

Результаты анализа представлены в этой главе. Материал организован по типам трансформаций, при этом также учитываются таксисные и логические значения деепричастий, рассмотренные в Главе 2.

3.1 Однородные члены предложения (сказуемые и некоторые др.) (предшествование/одновременность)

Наиболее часто деепричастия переводятся финитными глаголами, при этом предложение перестраивается в полипредикативную конструкцию с равноправными членами - однородными сказуемыми с союзом *og* (*sideordning med og*) или с бессоюзной связью. То же подтверждается статистикой, собранной [Maria Filiouchkina Krave, 2011]² Т.е. в переводах прежде всего реализуется значение деепричастия как второго сказуемого, дополнительного действия, которое становится синтаксически равнозначным основному действию:

(1) *Темно-синие тени гуляли по голубому полотну латаных простыней, простыни медленно, парусообразно **выгибались**, **грозя** развернуться и улечь в грубо-синее небо. (Л. Улицкая. Медя и её дети)*

*Det løp mørkeblå skygger over det blå lerretet i de lappede lakenene, lakenene **svulmet** sakte **opp** og **truet** med å folde seg ut og fly opp til den gråblå himmelen.*

(2) *Пугливая поэтесса, **держась** за сердце, медленно сползала со стула. (Н. Ключарёва, с. 96)*

Den engstelige dikterinnen holdt seg til hjerte og krøp forsiktig ned fra stolen. (s. 73)

(3) ***Сбросив** рюкзак, Георгий стоял посреди двора, морщился от прямого сильного солнца и вдыхал сладкий, густой запах. (Л. Улицкая. Медя и её дети)*

*Georgij **hadde lempet** av seg ryggsekken **og** sto midt i det lille gårdsrommet, myste i den kraftige solen, som skinte rett i hodet på ham, og trakk inn den søte, tette luften.*

(4) *Меж тем бож, **пошарив** в безразмерных карманах, извлёк на свет мятую десятку. (Н. Ключарёва, с. 54)*

*I mellomtiden **hadde** uteliggeren **gjennomsøkt** de kjempestore lommene sine og trakk opp en krøllete 10-rubelseddel. (s. 42)*

(5) *Матушка, **оглянувшись**, перегнулась через столик и жарко зашептала. (Н.Ключарёва, с. 101)*

*Lille-Mor **så seg rundt**, bøyde seg frem over bordet og hvisket hett... (s. 77)*

В (3), (4) и (5) деепричастия выражают таксисные отношения предшествования, что в переводе может передаваться или совершенными глагольными формами (перфект и плюсквамперфект), как в (3) и (4), или порядком слов,

² 23% + 13 % - СВ (см. стр. 88-89), 5%+39% - НСВ (см. стр. 103-104)

соответствующим порядку совершения действий (иконичность). В (1) и (2) – одновременность.

Другой пример:

(6) *Служанка из соседнего дома видела Ахимаса, когда он быстро шёл от места убийства, **вытирая** нож пучком травы. (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса, с. 195)*

*En hushjelp i nabolaget hadde sett Ahimas skynde seg fra åstedet **og tørke** av dolken på en gresstust. (s. 116)*

Здесь, как видим, деепричастие и опорное слово в результате переводческой трансформации стали равноправными членами в составе объектного инфинитивного оборота (objektsinfinitiv), что возможно, после глаголов определённой семантики (NRG: 1006-1007).

Задача переводчика несколько усложняется, когда русское предложение, заключающее в себе деепричастие, само имеет однородные сказуемые. Тогда нередко возникает ситуация с большим количеством сказуемых в переводе, и не всегда понятны логические связи между ними (см. также п. 3.3 и гл. 4). Переводчики могут решать эти проблемы, например, перестройкой предложения и выявлением его структуры с помощью лексических средств/вспомогательных слов, делением предложения.

(7) *Все перемещения резидента из комнаты в комнату были как на ладони: вот он побрился перед зеркалом, выпил кофе, пролистал газеты, что-то **отчёркивая** в них карандашом. (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса, с. 274)*

*Alle spionens bevegelser fra rom til rom var som servert på et fat. **Først** barberte han seg foran speilet, **så** drakk han kaffe, bladde i avisene **og gjorde** noen anmerkninger i dem med blyant. (s. 301)*

(8) - Я не слушай, – произнёс дурным русским языком вошедший человек и, **раскланявшись** со всеми, неловко остановился посреди комнаты. (с. 147)
(И. Тургенев, с. 147)

- Jeg har da heller ikke lyttet til Dem - - sa den nyankomne på et noe stivt og gammelmodig russisk. **Deretter hilste** han høflig på alle de øvrige tilstedeværende og ble stående litt utilpass midt i rommet uten å vite hvor han skulle gjøre av hendene sine. (s. 18)

Выше мною уже была высказана точка зрения о том, что русские деепричастия выражают не таксисные, а аспектуально-таксисные отношения. Из следующего примера, на мой взгляд, видно, что переводчик это почувствовал и счёл необходимым подчеркнуть длительность действия.

(9) *При первом же окрике кондукторши он прекратил наступление, снялся с подножки и сел на остановке, **потирая** гривенником усы. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)*

*Ved første anskrik fra konduktøren avblåste den angrepet, kom seg ned fra stigtrinnene, satte seg på holdeplassen og **gav seg til å stryke** bartene med tikopeken.*

В самом деле, одновременность можно было бы выразить однородными глаголами, но переводчик делает выбор в пользу аспектуальной конструкции (*å gi seg til å gjøre noe*) со значением начала и длительности действия (ingressivt aspekt [NRG: 655-666]). Более подробно об аспектуальных конструкциях см. п. 3.10.

3.2 Однородные сказуемые при переводе слов автора, вводящих прямую речь

В русской художественной прозе часто бывает, что автор, вводя прямую речь, использует при глаголе речи деепричастие для обозначения сопутствующего действия или чтобы охарактеризовать основное действие. При переводе на норвежский язык используется очень обычная для ввода прямой речи конструкция с однородными сказуемыми, при этом на первое место ставится глагол речи:

(10) ... *прибавил он, **разглаживая** рукою листы лежавшей на пюпитре тетради...* (И. Тургенев, с. 152)

*...tilføyde han **og lot hånden gli** over skriveheftene som lå på notehyllen...* (с. 23)

(11) Ты только прикажи, и я прыгну с этого моста! – говорил Тремор, **тараща** безумные голубые очи. (Н. Ключарёва, с. 61)

- *Bare si at jeg skal gjøre det, så hopper jeg fra denne broen! sa Tremor **og sperret opp** sine vanvittige lyseblå øyne.* (с. 47)

Однако в норвежском языке конструкция с однородными сказуемыми может обозначать либо одновременность двух и более действий, либо их последовательность во времени. В силу двоякости толкования такой конструкции (одновременность/последовательность во времени) бывает, что переводчик испытывает потребность подчеркнуть таксисные отношения дополнительно лексическими средствами (*samtidig* в (12), *dermed* в (13)):

(12) ... *кратко прибавила она, слегка **указывая рукой** на лежавший на столе, забытый Лаврецким номер журнала.* (И. Тургенев, с. 252)

*... tilføyde hun ydmykt og **gjorde samtidig en håndbevegelse** mot det angjeldende avisutklipp som Lavretskij hadde latt bli liggende på bordet og senere glemt.* (с. 150)

(13) ... — *с совершенно естественной иронией осведомился Берлиоз, **вовлекаясь** в какой-то действительно нелепый разговор.* (М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*)

... forhørte Berlioz seg med fullstendig normal ironi og lot seg dermed trekke inn i en ganske vanvittig samtale.

Следует отметить, что трансформация деепричастия в однородное сказуемое при переводе слов автора, вводящих прямую речь, оправдывает себя, только если деепричастие выражает таксисные отношения одновременности, как в приведённых выше примерах. Гораздо более сомнительно использование такой трансформации при переводе, когда действие, выраженное деепричастием, предшествует моменту речи, так как тогда нарушается порядок совершения действий (более подробно об этом в гл. 4), и это означает, что надо прибегать к другим грамматическим заменам. Какие ещё трансформации возможны для выражения предшествования? Об этом речь ниже.

3.3 Придаточные времени и др. конструкции для выражения предшествования

До сих пор мы видели, что таксисные отношения одновременности (предшествование) выражались исключительно порядком слов, но ещё лучше эти отношения проявляются в сложноподчинённых предложениях с придаточными времени (tidssetninger) и с союзными словами *da*, *etter* и др..

(14) *Однако, **выйдя** из дверей флигеля, Фандорин не зашагал через двор, а остановился, как бы отряхивая соринку с плеча... (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса, с. 50)*

***Da** Fandorin **gikk ut** gjennom døren til den tilbygde fløyen, strenet han imidlertid ikke over gårdsplassen. Han stanset liksom for å børste støv av skulderen. (с. 54)*

(15) ***Увидев**, что отпрыск измазался в конфете, красавица присела на корточки, зачерпнула воды из лужи и стала умывать ребёнка. (Н. Ключарёва, с. 42)*

***Da hun oppdaget** at poden hadde sølt seg til med sjokolade, satte skjønnheten seg på huk, tok vann fra en dam og begynte å vaske ansiktet på barnet. (с. 32)*

(16) *С холодеющим сердцем Иван приблизился к профессору и, **взглянув** ему в лицо, убедился в том, что никаких признаков сумасшествия нет и не было. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)*

*Kald om hjertet nærmet Ivan seg professoren, og **da han hadde tatt en titt** på ansiktet hans, var han overbevist om at det ikke fantes og heller ikke hadde funnes noe tegn på galskap i det ansiktet.*

В последнем примере интересно, что переводчик меняет формальную аспектуальность ситуации: СВ осн.гл. → длежащее состояние (убедился → *var han overbevist*), а отсюда, как мне кажется, и выбор перфекта при переводе самого деепричастия. При этом усиливается дополнительное значение деепричастия в

данном контексте: не только предшествование во времени, но и логическое следствие.

Другой пример выявления логической связи между деепричастием и основным глаголом:

(17) **Потеряв** одного из преследуемых, Иван сосредоточил свое внимание на коте... (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

Nå som Ivan hadde mistet en av rømlingene, konsentrerte han seg om katten...

Придаточные времени, в которые при переводе трансформируются деепричастный оборот, где деепричастие выражает таксис предшествования, могут также вводиться союзным словом *etter at*:

(18) Более часу провёл он у ней, **простившись** с хозяйкой дома. (с. 158)
(И. Тургенев, с. 158)

I over en time satt han hos henne etter at han hadde sagt farvel til husets frue...(с.31)

Но гораздо чаще используется конструкция *etter*+перфектный инфинитив (*perfektum infinitiv* - [NRG, s. 578], что является более лаконичным способом выражения и таким образом больше соответствует стилистическому эффекту деепричастия в русском языке.

(19) **Ознакомившись** с корреспонденцией, Хуртинский начал приём.
(Б. Акунин. Смерть Ахиллеса, с. 143)

Это же высказывание, например, могло быть сформулировано несколько иначе:

После того как Хуртинский ознакомился с корреспонденцией, он начал приём.

Но первый вариант стилистически гораздо лучше, что и находит отражение в переводе:

Etter å ha gått gjennom korrespondansen, begynte Khurtinskij å ta imot besøkende. (с. 156)

Интересно задуматься над вопросом, когда данная конструкция предпочтительнее конструкции с однородными сказуемыми. Если сопоставить (3) и (19) на ИЯ, то разница заключается, как мне представляется, в более тесной логической связи между сказуемым и деепричастием в (19). Простое перечисление последовательных действий в (3) достаточно перевести однородными сказуемыми. Рассмотрим ещё несколько примеров:

(20) Половой позвонил в электрический звонок и, **получив** свой рубль, с поклоном удалился (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса, с. 44)

Hotelltjeneren ringte på den elektriske klokken og fjernet seg etter å ha fått sin rubel. (с. 47)

В данном высказывании на ИЯ названы три действия (позвонить, получить, удалиться). Но последнее действие обусловлено вторым, и простая замена деепричастия финитной формой того же глагола нарушит эту логическую связь, поэтому употребление указанной конструкции является более предпочтительным (см. тж. п. 3.1).

(21) **Перебрав** все возможные варианты, Ахимас остановился на самом верном. (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса, с. 195)

Переведено:

Etter å ha overveid alle muligheter kom Ahimas frem til det eneste rette. (с. 216)

Но можно было без ущерба для смысла дать следующий перевод:

Ahimas hadde overveid alle muligheter og kom frem til det eneste rette.

Соотнесение перфектной формы глагола и формы прошедшего времени не только выявляет таксис, но и устанавливает связь между самим действием и его результатом. Оба варианта перевода представляются мне равнозначными, в то время как в (20) выбор конструкции предопределяется также и контекстом.

Другой момент, который может быть определяющим в вопросе выбора между конструкцией с однородными сказуемыми и конструкцией с *etter* для выражения предшествования, – это на чём фокусируется внимание. Иными словами, может ли действие, выраженное деепричастием, стать равнозначным основному действию (как мы помним, деепричастие обозначает действие второстепенное).

(22) *И в эту минуту он вдруг вспомнил, как тогда вечером на станции, **проводив** Анну Сергеевну, говорил себе, что всё кончилось, и они уже никогда не увидятся. (А. Чехов, с. 546)*

*Og i dette øyeblikk husket han med ett hvordan han den kvelden på stasjonen **etter å ha fulgt** Anna Sergejevna, hadde sagt til seg selv at det hele var forbi og at de aldri mer skulle se hverandre. (s. 62)*

Совершенно очевидно, что *проводив* – это второстепенное действие, которое не может по значимости быть приравнено к основному не только потому, что оно выражено деепричастием, но ещё и в силу того, что в сложноподчинённом предложении главная клауза через союз *как* по смыслу связана с *говорил* и никак не соотносится с действием, выраженным *проводив*. Деепричастный оборот лишь конкретизирует момент времени в зависимой клаузе.

Другой пример:

(23) *Марья Дмитриевна очень встревожилась, когда ей доложили о приезде Варвары Павловны Лаврецькой; она даже не знала, принять ли ее: она боялась оскорбить Федора Иваныча. Наконец любопытство превозмогло. «Что ж, - подумала она, - ведь она тоже родная, - и, **усевшись в креслах**, сказала лакею: - **Проси!**»* (интересующее нас высказывание специально дано в более широком контексте) (И. Тургенев, с. 255)

*«Vel, vel, tenkte hun, - hun hører jo også til familien på en måte», - og **etter å ha satt seg** bedre til rette i sin faste lenestol, sa hun til lakeien: - **Be henne inn!**»* (s. 154)

В данном случае переводчик, как мне кажется, вкладывает в деепричастный оборот больше смысла, чем, может быть, было в намерениях автора. В то время как автор использует деепричастие, которое обозначает дополнительное действие, никак не связанное своим результатом с действием, называемым опорным словом, переводчик трансформирует деепричастный оборот в зависимую часть сложноподчинённого предложения, к тому же дополняет её информацией, которая отсутствует в ИТ. В результате зависимая часть предложения растягивается, утяжеляется, внимание читателя излишне фокусируется на том, что у автора было лишь деталью. На мой взгляд, со стилистической точки зрения было бы лучше обойтись конструкцией с однородными сказуемыми и без надобности не утяжелять фразу:

*«Vel, vel, hun hører jo også til familien på en måte», tenkte hun, **satte seg** bedre til rette i lenestolen /satte seg godt til rette i lenestolen og sa til lakejen: - **Be henne inn!**»*

Надо признать, что эта «вольность» переводчика не противоречит характеру персонажа. Кроме того, перевод всегда носит отпечаток субъективного восприятия и толкования переводчиком амбивалентных смысловых единиц.

3.4 Придаточные времени (tidssetninger) и др. конструкции для выражения одновременности

3.4.1 Конструкции с *mens*

Для выражения таксисных отношений одновременности также используются различные конструкции, помимо однородных сказуемых. Наиболее часто встречается конструкция с *mens*:

(24) *Он смотрел мутными глазами на арестованного и некоторое время молчал, **мучительно вспоминая**, зачем на утреннем безжалостном Ершалаимском солнцепёке стоит перед ним арестант с обезображенным побоями лицом... (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)*

*Han så med grumsete blikk på den arresterte og tiet en stund **mens han slet med å huske** hvorfor det her foran ham, midt i Jersjalaims nådeløse formiddagshete, stod en arrestant med forslått ansikt...*

(25) «Бросить бы все к черту и купить здесь дом,»— думал Георгий, **спускаясь** вниз к тетке, которая их все еще не заметила. (Л. Улицкая. Медея и её дети)

«Jeg burde sende alt til helsike og kjøpe meg et hus her,» tenkte Georgij **mens han gikk** trinnene **ned** til tante, som ennå ikke hadde merket at de var der.

Обратим внимание на то, что в (25) не используется конструкция с однородными сказуемыми, хотя здесь прямая речь. В данном случае деепричастие понимается не только как одновременное дополнительное действие, оно также называет временной отрезок, в течение которого происходит основное действие, иными словами, служит фоном основному действию. В самом деле, по-русски то же самое можно было сказать придаточным времени: «... думал Георгий, пока/когда спустился вниз к тётке...».

(26) ... а Сонечка тяжело заваливалась на диван и, **засыная**, радовалась, что Роберт здесь, за тонкой стеной... (Л. Улицкая. Сонечка, с. 110)

... Sonetsjka la seg tungt ned på sofaen, og **mens hun lå der og falt i søvn**, følte hun gleden ved at Robert var der, bak den tynne veggen... (s. 105)

В (26) переводчик дополнительно подчёркивает длящийся характер действия, выраженного деепричастием, и его фоновость по отношению к основному действию, используя аспектуальную конструкцию *lå og falt*.

Если деепричастие или деепричастный оборот в ИТ стоят после опорного слова, то они трансформируются в конструкцию с **mens**. Если же деепричастие предшествует опорному слову, то нередко переводчики в такую конструкцию трансформируют часть высказывания с опорным словом, а деепричастный оборот становится главной клаузой, т.е. главное и второстепенное действия меняются местами:

(27) **Надрываясь и нагибаясь** чуть не до земли, тот тащил куда-то маленький пионерский барабан. (Н. Ключарёва, с. 64)

Tremor slet seg frem og bøyd seg nesten til jorden **mens han dro** på en liten pionertromme. (s. 49)

(28) То **бледнея**, то **краснея**, мэтр Ликоль лепетал что-то едва слышное... (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса, с. 218)

Maître Licole **bleknet** og **rødmet** vekselvis mens han mumlet frem noe knapt hørbart. (s. 241)

А так как действие в придаточных после **mens** длящееся, то в таких случаях возможна смена аспектуальности главного действия/опорного слова:

(29) - П-позволите закурить? **Попыхивая** сигарой, коллежский ассессор рассказал о результатах своих изысканий (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса, с. 168) (**НВ**) [**СВ, прош.**]

-Tillater de at jeg røyker? Kollegieassessoren **pattet** på sigaren, mens han fortalte om sine etterforskningsresultater. (с.182)

(30) Герр Кнабе, **насвистывая**, пересёк двор и исчез. (с. 53) (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса) (**НВ**) [**СВ**, **прош.**]

Herr Knabe **plystret** mens han gikk over gårdsplassen. (s. 57)

Как правило такие структурные изменения предложения существенно смысла не меняют, хотя нельзя исключить, что могут быть контексты, где такой перенос акцента будет нарушать смысл, тем самым делая перевод неадекватным/неэквивалентным. Не всегда будет возможна и смена аспектуальности (Убираясь в комнате, она нашла письмо. Hun fant et brev, mens hun ryddet på rommet/ но нельзя: Hun ryddet på rommet, mens hun fant et brev.)

Другой вариант перевода подобных аспектуально-темпоральных ситуаций с ДК предложен в п. 3.8 Замена причастием, (85), (86) с заменой на Presens partisipp.

3.4.2 Конструкции с *idet*

Д/ДО с таксисным значением одновременности могут также трансформироваться при переводе в конструкции с *idet*. Однако в отличие от конструкций с *mens*, *idet*-конструкции часто используются в ситуациях, ориентированных на достижение конечного результата (teliske situasjoner):

(31) **Делая** первый глоток, Медея подумала о Нике... (Л. Улицкая. Медея и её дети, с. 37)

Idet hun svelget den første slurken, tenkte Medea på Nika... (s. 45)

(32) **Выходя**, я услышал еще несколько виноватых «спасибо» и «извините». (А. Курков. Смерть и пингвин)

Idet jeg gikk ut hørte jeg noen flere skyldbetyngede takk og unnskyld.

Кроме того, в *idet*-конструкцию могут входить семельфактивные глаголы:

(33) Тут же он потерял носовой платок и вышел, **хлопнув** тяжелою дверью. (М. Булгаков. Роковые яйца)

Her mistet han lommestørklet og gikk ut **idet han slamret** den tunge døren igjen etter seg.

В последнем примере (33) мы видим также, что значение деепричастия СВ в ИТ и соответственно в переводе отнюдь не темпоральное, как это было в (31) и (32). В гл. 2 уже приводился похожий пример (см. Гл. 2, (23)), а также трактовка В. В. Виноградовым значения деепричастия в подобных высказываниях: «побочное одновременное действие, сплетенное с действием глагола-сказуемого, включенное в него как его составная часть или образующее вместе с ним один сложный акт». При этом можно сказать, что ДО выполняет здесь роль

дополнительного обстоятельства – обстоятельства образа действия. В этой связи хотелось бы сослаться на дипломную работу [Astrid Nilsen-Nygaard, 2002], посвящённую idet-конструкциям, в которой автор выделяет следующие значения этих конструкций: temporal, ledsagende omstendighet, kausal и spesifiserende (хотя и оговаривается, что значение ledsagende omstendighet характерно для более старых текстов). Она указывает также на то, что границы расплывчаты, что эти конструкции могут иметь одновременно несколько значений (быть многозначными) при доминировании какого-либо одного значения (ср. грамматическую семантику деепричастий в гл. 2). Таким образом, idet-конструкции, на мой взгляд, хорошо соответствуют природе русского деепричастия, которое помимо выражения чисто хронологических отношений может иметь другие обстоятельственные значения.

Рассмотрим ещё несколько примеров, где при одновременности двух действий доминирующим будет всё-таки значение, отличное от темпорального:

- обстоятельство образа или способа действия / ledsagende omstendighet

(34) *Трубка вдруг резко оборвала разговор, Персигов отошел, **ворча** сквозь зубы какие-то бранные слова. (М. Булгаков. Роковые яйца)*

*Telefonrøret avbrøt brått samtalen i en skarp tone, og Persikov fjernet seg **idet han knurret** frem noen ukvemsord mellom tennene.*

- причина / kausal

(35) *Я тоже приподнялся, **понимая**, что на моих глазах разворачивается отвратительный, опасный для монархии скандал, однако дальнейшее превзошло мои наихудшие опасения. (Б. Акунин. Коронация)*

*Jeg reiste meg også halvveis, **idet jeg forsto** at det nå utfoldet seg en motbydelig skandale som var farlig for monarkiet.*

- конкретизация / spesifiserende (можно отнести к обстоятельству образа действия)

(36) *Двое в кабинете совершенно замучили Персикова, **рассматривая** визитную карточку, **расспрашивая** о пяти тысячах и **заставляя** описывать наружность гостя. (М. Булгаков. Роковые яйца)*

*De to i arbeidsværelset plaget fullstendig livet av Persikov **idet de studerte** visittkortet inngående, **spurte** ham ut om de fem tusen og **fikk ham til** å beskrive gjestens utseende.*

(37) *Он разговаривал минут десять, **пытаясь** ему объяснить, что на улице сыро и постоянно идет дождь, что у него ужасное настроение, а кроме того он боится, что Миша может простудиться. (А. Курков. Смерть и пингвин)*

*Han holdt det gående i telefonen i ti minutter **idet han forsøkte** å overbevise Ljosja om at det var rått ute , og at det regnet hele tiden , at han var i et elendig humør , og at han dessuten var redd for at Misja skulle bli forkjølet.*

- логическое следствие

(38) ***Ломая и опрокидывая** все законы, известные Персикову как свои пять пальцев, они почковались на его глазах с молниеносной быстротой . (М. Булгаков. Роковые яйца)*

***Idet de brøt og omstyrtet** alle de lover Persikov kunne på fingrene, skjøt de knopper med lynets hastighet.*

- инструмент /instrumental (можно отнести к спосоду действия)

(39) *Кирилл Александрович положил конец спору , твёрдо **заявив**:... (Б. Акунин. Коронация)*

Kirill Aleksandrovitsj satte et punktum for disputten idet han erklærte fast ...

(40) *И **пользуясь** его временной дезориентацией, строго спросил... (Н. Ключарёва, с. 45)*

*Og, **idet han utnyttet** motstanderens desorientering, spurte han strengt ... (s. 35)*

Наконец, пример трансформации деепричастия при переводе слов автора, вводящих прямую речь:

(41) *- Это я, Фандорин! - пропыхтел он, **приподнимаясь**. (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса, с. 79)*

*«Det er meg – Fandorin!» fikk han frem **idet han prøvde** å komme løs. (s. 86)*

Мы видели ранее (см. п. 3.2), что переводчики при этом часто используют конструкцию с однородными сказуемыми, которая может толковаться двойственно: одновременность двух действий или их последовательность во времени. В данном случае переводчик, на мой взгляд, удачно использовал idet-конструкцию в значении ledsagende omstendighet.

3.4.3 Конструкции с der

В собранном мною материале нашлось также несколько примеров (всего 8) замены Д/ДО со значением одновременности придаточным с der. Вот некоторые из них:

(42) *Здесь, в карете, Аполлон Аполлонович наслаждался подолгу без дум четырехугольными стенками, **пребывая** в центре черного, совершенного и атласом затянутого куба... (А. Белый)*

Inne i kareten frydet Apollon Apollonovitsj seg lenge ubekymret over de firkantede veggene, **der** han **befant seg** i sentrum av sin sorte, helt atlaskbetrukne kube...

(43) *Стоя на остановке автобуса с рюкзаком за плечами, Медея ощущала себя не менее чем Одиссеем. (Л. Улицкая. Медея и её дети)*

Der hun sto på bussholdeplassen med ryggsekken over skuldrene, følte Medea seg som Odyssevs, verken mer eller mindre.

(44) *Аполлон Аполлонович думал: о звездах, о невнятности пролетавшего громового потока; и, качаясь на черной подушке, высчитывал силу от света, воспринимаемого с Сатурна. (А. Белый)*

Apollon Apollonovitsj tenkte: på stjernene, på at han ikke kunne høre stormfloden som strømmet forbi; og der han gynget på sin sorte pute, forsøkte han å regne ut styrken på lyset som kunne oppfattes fra Saturn.

Обычно местоименное наречие (pro-ord - [NRG: 25-26]) *der* в качестве союзного слова присоединяет придаточные места (stedssetninger). Но если в (42) можно говорить о том, что переводчик преобразовал ДО в придаточное места, потому что у *der* есть коррелят в главной клаузе - *i kareten* (или, может быть, *de firkantede veggene*), то этого нельзя сказать о (43) и (44). Возможно, здесь работает концептуальная метафора ПРОСТРАНСТВО→ВРЕМЯ (см. [Haspelmath. 1997]). Возникает вопрос, насколько *der* в подобных конструкциях совпадает по своему значению с *mens* и *idet*. На различие между *mens* и *idet* было указано выше в п. 3.4.2. Что касается конструкций с *der*, то на основании собранного материала – хотя и очень ограниченного – складывается впечатление, что *der* можно заменять как на *mens*, так и на *idet*. Но имеется и такое наблюдение (только наблюдение, так как сбор статистического материала изначально не входил в мою задачу): *der* используется реже и прежде всего там, где есть обстоятельство места (***der hun sto på bussholdeplassen, der han gynget på sin sorte pute, der han satt på skinnet, der han trasket langs fortauet, der hun red*** jevnside med Margarita).

3.4.4 Конструкции с *når*

Наконец, отношения одновременности при переводе деепричастий также могут быть переданы сложноподчинёнными предложениями с придаточными времени (tidssetninger) и местоимением *når* в роли союзного слова:

(45) *Но, говоря, взвешивай каждое слово, если не хочешь не только неизбежной, но и мучительной смерти. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)*

Men når du gjør det, så vei hvert eneste ord hvis du vil unngå en død som ikke bare er viss, men også pinefull.

(46) — *Главное же то, что, работая, необходимо иметь убеждение, что дело мое не умрет со мною, что у меня будут наследники, — а этого у меня нет. (Л. Толстой. Анна Каренина)*

«Det viktigste er imidlertid at jeg **når jeg arbeider**, må være overbevist om at mitt verk ikke vil dø med meg, at jeg vil få arvtagere – og det har jeg ikke.

Однако помимо таксисного значения одновременности, придаточные с *når* могут использоваться в других значениях. В норвежском языке вопросительное местоимение *når* также присоединяет придаточные времени к главному, когда действие отнесено к будущему, поэтому вполне ожидаемо, что деепричастные обороты и деепричастия СВ при переводе преобразуются в придаточные с *når*, когда описываемая ситуация разворачивается в будущем времени:

(47) *Однако хорошо же она будет выглядеть, **явившись** в Царевницы в таком наряде. (Б. Акунин. Турецкий гамбит)
Som hun kom til å se ut **når hun kom** til Tsarevitsy i dette antrekket!*

То же касается и деепричастий со значением хабитуальности. В норвежском языке им соответствуют придаточные времени с *når*:

(48) *По ночам, **лёжа** на немецких гигиенических жёстких складных кроватях, они вели долгие содержательные разговоры... (Л. Улицкая. Медяки её дети, с. 26)*

*Om natta, **når de lå** i sine feltsenger på de harde, tyske madrassene førte de lange innholdsrike samtaler... (s. 30)*

(49) *Никита, **приезжая** в Питер, становился вольным слушателем этого ходячего университета. (Н. Ключарёва, с. 78)*

Når Nikita kom på besøk til Piter, ble han hospitant ved dette vandrende universitetet. (s. 60)

(50) ***Приехав** в Москву, она останавливалась в «Славянском базаре» и тотчас же посылала к Гурову человека в красной шапке. (А. Чехов, с. 547)*

***Når hun kom** til Moskva, tok hun inn på «Slavjanskij Bazar» og sendte straks en mann med rød lue til Gurov. (s. 67)*

Обратим внимание на то, что в (50) в хабитуальной ситуации использовано деепричастие СВ (см. об этом гл. 2)

Союзным словом *når* могут также присоединяться/начинаться придаточные причины, что позволяет использовать их при переводе деепричастий НСВ с тем же значением:

(51) *Котлован – это большая могила. Символ погребения. Выхолащивания жизни, которая, **будучи** лишена смысла, превращается в пустую шелуху, хлам и тщету... (Н. Ключарёва, с. 67)*

*Anleggsgrøften – det er en stor grav. Et begravelsessymbol. Et symbol for kastreringen av livet, som **når** den **blir** frarøvet mening, forvandles til et tomt skall, billig skrot... (s. 52)*

В (51) отношения между деепричастием и главной клаузой не хронологические, а причинно-следственные, что легко прочитывается и в переводе.

О других способах передачи логических значений деепричастий речь пойдёт в следующем параграфе.

3.5 Грамматические трансформации, выявляющие логические отношения

В гл. 2 мною было показано, что на хронологические отношения, выражаемые деепричастием, часто накладываются логические отношения между компонентами полипредикативной конструкции, которые никак не выражены грамматически, но выявляются в контексте. При переводе такие Д/ДО легко трансформируются в соответствующие придаточные предложения.

Причина:

(52) Он выждал некоторое время, **зная**, что никакою силой нельзя заставить умолкнуть толпу, пока она не выдохнет все, что накопилось у нее внутри, и не смолкнет сама. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

*Han ventet en stund, **for** han **visste** at ingen makt i verden kunne få hopen rolig før den hadde fått gitt luft for alt den hadde samlet opp inne i seg, og falt til ro av seg selv.*

(53) Редко **встречая** Анну, он не мог ничего ей сказать, кроме пошлостей, но он говорил эти пошлости ... (Л. Толстой. Анна Каренина)

***Fordi** han så sjelden traff Anna, hadde han ikke annet enn plattheter å si henne...*

(54) **Не доверяя** искусству русских врачей, он стал хлопотать о позволении отправиться за границу. (И. Тургенев, с. 173)

***Da** han **ikke hadde** noen tillit til russisk legekunst, begynte han å undersøke mulighetene for å reise til utlandet. (s. 49)*

(55) — Что англичане? — неопределённо спросил я, **не зная**, известно ли в Эрмитаже о дуэли. (Б. Акунин. Коронация)

*«Hvordan er det med engelskmennene?» spurte jeg i en ubestemmelig tone, **siden** jeg **ikke visste** om man i Eremitasjen kjente til duellen.*

(56) Прошла еще неделя, причем Персиков, все более **отдаляясь** от затихающих куриных вопросов, всецело погрузился в изучение луча. (М. Булгаков. Роковые яйца)

*Det gikk enda en uke, og **ettersom** han stadig mer **fjernet seg** fra de hendøende hønsespørsmålene, fordypet Persikov seg nå helt og holdent i studiet av den røde strålen.*

В (56) можно не согласиться с переводчиком, когда он усматривает в исходном высказывании причинно-следственную связь (если он, конечно, не имел в виду *etter som = etter hvert som*), но так как это логические отношения, которые в ИТ никак не выражаются грамматически, такое толкование и соответственно перевод, наверное, имеют право на существование. Для наших целей сейчас важнее, что деепричастия с логическим значением причины вполне адекватно трансформируются при переводе в придаточные причины с практически всеми союзными словами, которые используются в таких случаях в норвежском языке.

Следствие:

(57) *Иван впал в беспокойство, растолкал окружающих, начал размахивать свечой, **заливая** себя воском, и заглядывать под столы.* (М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*)

*Ivan ble grepet av uro; han skjøv de omkringstående til side, begynte å veive med lyset **så han sølte** voks på seg, og gav seg til å kikke under bordene.*

(58) *Но вдруг он испускает страшный визг и, **опрокидывая** тарелки и рюмки, срывается со стола...* (И. Бунин, с. 399)

*Men plutselig setter den i et forferdelig hyl og jumper ned av bordet **så tallerkener og glass feies** i gulvet... (s. 19)*

В (58) переводчик также перестраивает предложение таким образом, что объект в ДО становится субъектом пассивной конструкции.

Условие:

(59) ***Прорезав** длиннейшую очередь, начинавшуюся уже внизу в швейцарской, можно было видеть надпись на двери, в которую ежесекундно ломился народ: «Квартирный вопрос».* (М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*)

Om man fikk trengt seg gjennom den milelange køen som begynte allerede nede i forhallen, kunne man få se påskriften på en dør hvor folk presset på hvert eneste sekund: "Boligspørsmål".

До сих пор мы видели, как Д/ДО, обладающие тем или иным дополнительным логическим значением, трансформируются в придаточные предложения соответствующей семантики. Но возможны и другие трансформации. Для Д/ДО со значением цели используется конструкция *for+infinitiv*:

(60) *В пустынном безотрадном переулке поэт оглянулся, **ища** беглеца, но того нигде не было.* (М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*)

*Ute i det tomme, trøstesløse smuget kikket lyrikeren seg rundt **for å finne** rømlingen, men han var ikke å se noe sted.*

(61) *Он неспешно приблизился к камердинеру и уважительно покашлял, как бы **объявляя** о своём присутствии.* (Б. Акунин. *Смерть Ахиллеса*, с. 253)

Uforhastet nærmet han seg kammertjeneren og kremtet ærbødig for å antyde sin tilstedeværelse. (s. 278)

(Замечу в скобках, что значение модальной частицы *как бы* передано в составе лексического значения глагола *å antyde*)

Вообще, предложные конструкции широко используются при переводе деепричастий, и прежде всего, когда последние выступают в функции обстоятельства. Более подробно это будет рассмотрено ниже в п. 3.7, а в следующем параграфе будет завершена тема трансформаций Д/ДО в придаточные предложения.

3.6 Нерестриктивные относительные предложения (*ikke-restriktive relativsetninger*) с *som*

Возможно, несколько неожиданный способ перевода Д/ДО – это замена нерестриктивным относительным предложением с *som*. Неожиданный, потому что русское деепричастие характеризует основное действие, а относительные придаточные характеризуют (модифицируют) некоторое имя в главной клаузе. Тем не менее такая переводческая трансформация вполне допустима там, где допустимо смещение акцента с действия как такового на дополнительную характеристику имени через действие:

(62) *Покойная бабушка, любя его и таким, обучала его хорошим манерам. (Т. Толстая, с. 227)*

Hans avdøde bestemor som elsket ham slik han var, hadde lært ham gode manerer. (s. 186)

(63) - *Маман, маман, - вскричала, вбегая в комнату, смазливая девочка лет одиннадцати... (И. Тургенев, с. 142)*

- *Maman, taman, - ropte en søt småjente i elleveårsalderen, som kom løpende inn i værelse... (s. 11)*

(64) *Старик, потеряв к этому времени сына и старшего зятя, бессловесно и близко сошелся с Робертом Викторовичем... (Л. Улицкая. Сонечка)*

Den gamle, som på dette tidspunktet hadde mistet både sønnen sin og den eldste svigersønnen, hadde fått et taust, men nært forhold til Robert Viktorovitsj...

В (64) в ИТ явно улавливается причинно-следственная связь, которая никак не выражена грамматически (за исключением постановки ДО в препозицию). Перевод с *som* в данном случае, как мне кажется, также допускает такое толкование, т.е. наличие логической причинно-следственной связи между ДО и основным действием.

Имя или именная группа, которую модифицирует относительное придаточное – т. наз. вершина (по-норвежски *korrelat*), не обязательно совпадает с субъектом главной клаузы. Это даёт определённую гибкость при переводе:

(65) *Zасада состояла из Олега, сержанта и ещё троих солдат, они сидели за большим камнем, **положив** на него автоматы. (Л. Петрушевская, с. 13)*

*Bakholdet besto av Oleg, en sersjant og tre soldater til, de satt bak en stor stein **som de støttet** maskingeværene mot. (s. 21)*

(66) *Она близоруко прищурилась на ворвавшегося Ивана и, очевидно, **обознавшись** в адском освещении, сказала тихо и весело ... (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)*

*Hun myste nærsynt mot den inntrengende Ivan, **som** hun i denne helvetesaktige belysningen åpenbart **tok for en annen**, og sa lavt og skøyeraktig ...*

Как видим, в (65) вершиной является не субъект *они/ de*, как можно было бы ожидать, т.к. деепричастие относится именно к субъекту, а объект - *en stor stein*. То же и в (66): вершина - *Ivan* (объект), а не личное местоимение (субъект).

3.7 Предложные конструкции

Возвращаясь к теме предложных конструкций, заявленной в п. 3.5, надо сказать что, они достаточно разнообразны. Помимо конструкций *etter*+перфектный инфинитив для выражения таксиса предшествования (см. 3.3) и *for*+infinitiv со значением цели (см. 3.5) при переводе Д/ДО могут быть использованы следующие конструкции с предлогами:

Ved+infinitiv

(67) *...Но ему удалось несколько умилоствить её, **проиграв** ей рублей пятнадцать в пике... (И. Тургенев, с. 229)*

*...det lyktes ham imidlertid å gjøre henne litt mildere stemt **ved å tape** femten rubler til henne i piquet. (s. 121)*

(68) *Паншин разбудил своего кучера, **толкнув** его концом палки в шею... (И. Тургенев, с. 237)*

*Pansjin vekket kusken sin **ved å dytte** ham i nakken med stokken ... (s. 131)*

Конечно, можно было бы перевести с помощью сложноподчинённого предложения с придаточным времени, и тогда в переводе, например, высказывание (67) могло бы выглядеть следующим образом:

*...det lyktes ham imidlertid å gjøre henne litt mildere stemt **da han tapte** femten rubler til henne i piquet.*

Однако использование предложной конструкции гораздо лучше вскрывает связь между главным предикатом и деепричастием, которое находясь в постпозиции имеет обстоятельственное значение способа действия.

Med + infinitiv

(69) *Весь день Александр Семенович хлопотал со своими помощниками, **устанавливая** камеры в бывшем зимнем саду — оранжерее Шереметевых ... (М. Булгаков. Роковые яйца)*

*Hele dagen strevde Aleksander Semjonovitsj og medhjelperne hans **med å montere** kamrene i Sjeremetjev-familiens tidlige vinterhage og drivhus ...*

(70) *...Медя, со свойственным ей стремлением все привести к порядку, к системе, от чайных чашек на столе до облаков в небе, не однажды в своей жизни забавлялась, **выстраивая** своих братьев и сестер в шеренгу по усилению рыжести... (Л. Улицкая. Медя и её дети)*

*...Medea, som hadde en særegen trang til å holde orden på alt, til å ha system i tingene, enten det var teskjeer på bordet eller skyer på himmelen, moret seg **med å stille opp** brødrene og søstrene sine på rekke etter hvor rødhåret de var...*

В норвежском языке предложные конструкции с *med* используются прежде всего в значении способа или средства. Инфинитив, употреблённый в таких конструкциях, заменяет существительное. Мне представляется, что в отличие от конструкции *ved+infinitiv* мы имеем здесь дело с глагольным управлением, когда глагол «диктует» предлог, что очевидно, накладывает определённые ограничения в отношении того, с каким глаголом можно употребить такую конструкцию. Вероятно, именно этим можно объяснить редкое употребление этой конструкции при переводе деепричастий: в собранном мной материале эта конструкция встретилась всего лишь два раза.

Напротив, довольно часто встречаются конструкции *med+сущ.* и *med+сущ.+причастие*, в которые трансформируются деепричастия со значением образа действия.

Med+сущ.

(71) *...Берлиоз спросил, криво **усмехнувшись** ... (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)*

*... Berlioz spurte **med et skjevt smil** ...*

(72) *Каифа вежливо поклонился, **приложив руку к сердцу**, и остался в саду ... (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)*

*Kaifa bukket høflig **med hånden på hjertet** og ble igjen i haven...*

(73) *И пояснил своё сомнение, осуждающе **качая** головой. (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса, с. 100)*

Med misbilligende hoderisting forklarte han hvorfor han var i tvil. (s. 110)

Med+сущ.+причастие

(74) *Подперев рукой голову, она наблюдала, как Георгий подкладывал в открытый очаг – примитивное подобие камина – небольшое поленце.
(Л. Улицкая. Медея и её дети, с. 21)*

Nå satt hun med hodet støttet i hånden og så på at Georgij la et lite vedtre i det åpne ildstedet, som lignet litt på en primitiv kamin. (s. 26)

(75) *Гриша мерно посапывал, **выставив** из-под рваного тулупа **кончик носа**..
(Н. Ключарёва, с. 133)*

Grisja prustet taktfast, med nesetippen stikkende frem under en lurvete saueskinnsjels. (s. 101)

Действие, выраженное в ИТ деепричастием, в переводе передано в (74) пассивным (Perfektum partisipp от переходных глаголов), а в (75) активным причастием. Для сравнения: при использовании конструкции *med+сущ.* самого действия нет, а есть его результат, как в (71) и (72), или лексема со значением действия вошла в состав существительного, как в (73), но это встречается значительно реже.

Как правило, такие конструкции *med+сущ.* и *med+сущ.+причастие* употребляются при описании физических или эмоциональных состояний человека, но из каждого «правила» всегда найдутся «исключения»:

(76) *В пыли пролетали, **бряцая цепями**, грузовики, на платформах коих, на мешках, раскинувшись животами кверху, лежали какие-то мужчины. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)*

I skyer av støv kom noen lastebiler farende med raslende kjettinger, og på lasteplanene lå det menn på sekker med maven opp.

(77) *Осторожно толкнул дверь, и она врезанно подалась, недобро **скрипнув**.*
(Б. Акунин. Смерть Ахиллеса, с. 296)

*Han dyttet varsomt til døren, som plutselig gikk opp med et illevarslende **knirk**.*
(s. 327)

Перечень предложных конструкций, в которые при переводе могут трансформироваться деепричастия, этим не исчерпывается:

Etter+Сущ

(78) ***Оглядев** тёмные окна..., Ахимас поставил к стене заранее присмотренный ящик. (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса, с. 261)*

Etter et blikk på de mørke vinduene ... satte han en på forhånd klargjort kasse inntil veggen. (s. 286)

(79) **Поколебавшись**, указал адрес в «Троице». (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса, с. 292)

Etter litt nøling oppgav han adresse i Troitsa. (s. 321)

(80) Но признаться в этом он не пожелал и, **воскликнув** укоризненно : "Ах , развратница! " — тут же зачем-то очутился на кухне. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

Men det ville han ikke være ved, og **etter et bebreidende utrop:**
«Uff, uanstendige kvinnfolk!» befant han seg plutselig på kjøkkenet.

Излишне говорить, что конструкции с *etter* возможны только при переводе деепричастий с таксисным значением предшествования.

i +сущ.

(81) Об этом Олегу стало известно, когда он начал перебирать бумаги умершей матери, **надеясь** узнать о ней побольше. (Л. Петрушевская, с. 11)

Det fikk Oleg vite da han gikk gjennom papirene etter sin avdøde mor **i håp** om å finne ut mer om henne. (s. 20)

(82) **Стараясь** за что-нибудь ухватиться, Берлиоз упал навзничь , несильно ударившись затылком о булыжник... (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

I et forsøk på å finne noe å holde seg fast i hadde Berlioz falt så lang han var, og slått seg lett i bakhodet mot en brosten.

В начале этого параграфа были рассмотрены предложные конструкции, включающие существительные с относящимися к ним причастиями, но причастия (*Perfektum partisipp* и *Presens partisipp*) и сами по себе могут при переводе заменять деепричастия.

3.8 Замена причастием/другой частью речи

Perfektum partisipp, подобно деепричастию в русском языке, имеет двойственную природу. С одной стороны, как и деепричастие, это нефинитная глагольная форма, а с другой – и здесь уже начинается различие - *Perfektum partisipp* близко к прилагательному и поэтому относится к существительному, а не к глаголу, что впрочем, как и в случае с нерестриктивными относительными предложениями, не мешает давать адекватный/эквивалентный перевод:

(83) Где-то в тёплой тьме, в сердцевине дома, **затерявшись** в недрах огромного ложа, тихо, как мышь, лежал маленький дядя Паша. (Т. Толстая, с. 36)

*Et sted i det varme mørket, i hjertet av huset, lå vesle onkel Pasja, **fortapt** i den store ektesengens indre, stille som en mus. (s. 51)*

Когда такая замена возможна? Собранный мною материал даёт основания считать, что замена на Perfektum partisipp возможна для возвратных деепричастий: *укрывшись пледом* – *innsvøpt i sine pledd*, *переодевшись девочкой* – *forkledd som pike*, *завернувшись в бурку* – *inntullet i burkaen*. То есть это те случаи, когда действие, выраженное деепричастием, обращено на субъект, который при переводе получает процессуальный пассивный признак, выраженный соответствующим причастием.

Что касается логических значений, то опытные переводчики справляются и с этой задачей, как например в (84), где конструкция, соответствующая деепричастному обороту в ИТ, отнесена в конец предложения (инверсия), а **forvirret**, кроме того, подчёркивается эмфатическим *som han var*. В таком виде заменяющая конструкция приобретает, по моему мнению, характер дополнительного пояснения и тем самым выявляет причинно-следственные отношения между деепричастием и опорным словом в ИТ:

(84) — *Нету никакого дьявола! — **растерявшись** от всей этой муры, вскричал Иван Николаевич не то, что нужно...* (М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*)

*Det finnes ingen djevel! Der buste Ivan Nikolajevitsj ut med akkurat det han ikke skulle si, **forvirret** som han var av alt dette tullet.*

В отличие от Perfektum partisipp, причастия настоящего времени (Presens partisipp) выражают активный процессуальный признак и при переводе могут заменять деепричастия НСВ с таксисным значением одновременности:

(85) *ВЕНЧ, - Яся заклинала шторм, **стоя** на перевёрнутой бочке в брызгах, пене и зелёных волнах Финского залива. (Н. Ключарёва, с. 142)*

*«VENTSJ!» Jasia besverget stormen, **stående** på en omvendt tønne i sjøsprøyt, skum og grønne bølger i Finskebukta. (s. 108)*

(86) *Однако выскочить удалось, и, **отдуваясь** и **фыркая**, с круглыми от ужаса глазами, Иван Николаевич начал плавать в пахнувшей нефтью черной воде меж изломанных зигзагов береговых фонарей. (М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*)*

*Men opp kom han, og **prustende og pesende**, med øyne trillrunde av skrekk, gav Ivan Nikolajevitsj seg til å svømme rundt i det svarte, oljedunstende vannet mellom de brutte siksaklinjene fra lyktene inne på kaien.*

Причастия настоящего времени близки по своей синтаксической роли к именам прилагательным. Последние также могут при переводе заменять деепричастия:

(87) - *Я мимо еду, - ответил Никита **смутившись**. Но спустился обратно. (Н. Ключарёва, с. 27)*

- *Jeg er bare på gjennomreise, svarte Nikita **forlegen** og gikk ned igjen. (s. 22)*

В собранном мною материале таких примеров совсем немного. Помимо (87), это ещё **opasаясь** волновать больного - **redd** for å hisse den syke opp, **памятуя о запрете** - **fullt klar** over forbudet, **досадуя и смеясь** - både **ergerlig og glad**, по-прежнему **не шевелясь** и ничуть **не повышая** голоса - like **urørlig** som før, like **lavmælt**. Как видим, это прилагательные, близкие по своей семантике деепричастиям в ИТ, описывающие физическое, интеллектуальное или эмоциональное состояние человека (возможно, любого другого одушевлённого лица) в результате /прямо связанное с действием, выраженным деепричастием в ИТ. Однако в связи с ограниченностью материала нельзя исключить, что при переводе деепричастий могут также использоваться прилагательные других семантических групп.

3.9 Деепричастия с отрицанием

Наконец, отдельно рассмотрим трансформации деепричастий с отрицанием. Как правило это имеющаяся в норвежском языке конструкция *uten+ infinitiv*:

(88) *Коллежский ассессор отпустил служителя и распрощался с Екатериной Александровной, так ничего ей и **не сказав**. (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса, с. 97)*

*Kollegieassessoren sendte fra seg portieren og tok farvel med frøken Golovina **uten å fortelle** henne noe som helst. (s. 105)*

(89)... – сказала Медея, как будто ни к кому **не обращаясь**. (Л. Улицкая. Медея и её дети, с. 37)

*... sa Medea, liksom **uten å henvende seg** til noen bestemt. (s. 45)*

(90) *Соня закапризничала и ушла из кухни, почти ничего **не съев**. (А. Курков. Пикник на льду)*

*Sonja var vanskelig og gikk ut av kjøkkenet nesten **uten å ha spist** noen ting.*

(91) ***Не допив** пепси, Виктор встал и пошел по траве между двумя аллеями в сторону девочки. (А. Курков. Пикник на льду)*

***Uten å drikke opp** Pepsien reiste Viktor seg og gikk på gresset mellom de to alleene mot jentungen.*

В некоторых случаях возможна замена глагольной формы (инфинитива) на существительное соответствующей семантики:

(92) *Народ, **не надеясь**, что о нём позаботятся, стал выбираться из обречённого населённого пункта. (Н. Ключарёва)*

Folk, uten håp om at noen ville ta seg av dem, begynte å utvandre fra det dødsdømte tettstedet.

Гораздо реже, чем конструкция с *uten*, при переводе деепричастий с отрицанием встречается конструкция с *før*:

(93) *Ещё не открывая* глаз, он знал, что Яськи рядом нет. (Н. Ключарёва, с. 32)

Alt før han hadde åpnet øynene visste han at Jasia ikke var ved siden av ham.
(s. 26)

(94) *Дворники в белых фартуках убрали осколки стекол и засыпали песком кровавые лужи, а Иван Николаевич как упал на скамейку, не добежав до турникета, так и остался на ней.* (М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*)

Gatefeiere i hvite forklær hadde fjernet glassbiter og strødd sand på blodpølene, men Ivan Nikolajevitsj, som var dumpet ned på en benk før han nådde frem til sperrekorset, ble bare sittende der.

(95) *Одному полковнику во время войны жена прислала письмо, что очень тоскует и просит его приехать, потому что боится, что умрёт, не повидав его.* (Л. Петрушевская, с. 7)

Under krigen fikk en oberst et brev fra sin kone der hun skrev at hun lengtet sånn og ville at han skulle komme hjem, for hun var redd hun skulle dø før hun fikk sett ham igjen. (s. 9)

(96) *Недокрестившись*, Флор Григорьевич вдруг спохватился, замахал руками...
(Б. Акунин. *Смерть Ахиллеса*, с. 311)

Før han hadde korset seg ferdig; fortsatte Vedisjtsjev...(s. 343)

3.10 Трансформация деепричастий в аспектуальную конструкцию, или её часть

В то время как категория вида, строящаяся на оппозиции СВ и НСВ, является системообразующей для русского глагола и её выражение в русском языке обязательно [А.А. Зализняк, А.Д.Шмелёв 2000: 10], в норвежском языке такая категория отсутствует. А там, где аспектуальность (т.е. семантические признаки, характеризующие ситуацию во времени) не выявляется в контексте, она выражается с помощью лексических, грамматических (Perfektum, Pluskvamperfektum) или синтаксических средств. Под последними понимаются аспектуальные конструкции, о которых подробно изложено в [NRG. 1997: 637-660]. Поэтому в некоторых контекстах деепричастие НСВ может переводиться не финитным глаголом, а аспектуальной конструкцией (см. также (9) в п. 3.1 и (26) в п. 3.4.1):

(97) - *Ах, Маса, как Москва-то переменилась, - всё повторял по-японски красавчик, беспрестанно вертясь на кожаном сиденье пролётки.*
(Б. Акунин. *Смерть Ахиллеса*, с. 9) [, .] ()

«*Akk, Masa, som Moskva har forandret seg,*» sa adonisen for andre gang på japansk, **der han satt** på skinnsetet **og snudde seg** til alle kanter. (s. 9)

Здесь, как видим, переводчик использовал конструкцию с *der* в сочетании с аспектуальной конструкцией актуально-длительного (дуративного) значения.

В (98) мы находим другой пример использования дуративной аспектуальной конструкции при переводе деепричастия НСВ. При этом всё высказывание трансформируется таким образом, что ДК становится главной клаузой, а часть с опорным словом вводится с помощью *mens*, подобно тому, что мы видели в (27) и (28):

(98) *Мальчишки тут же куда-то делись..., а спортсмен, покачиваясь на подгибающихся ногах, обратился к контролёру с проникновенной речью...* (Н. Ключарёва, с. 39)

*Guttungene forsvant øyeblikkelig ..., men sportsmannen **sto og svaiet** på sviktende ben **mens** han holdt en gripende tale for kontrolløren.* (s. 30)

Однако бывает также, что деепричастие трансформируется в часть аспектуальной конструкции (в приведённом примере конструкция, выражающая *kontinuativt aspekt* по классификации [NRG: 637-660]):

(99) *Он медленно подошёл к играющим, минут пять **стоял** возле стола, **наблюдая**.* (Б. Акунин. Турецкий гамбит, с. 19)

*Langsomt gikk han bort til terningspillerne og **ble stående** fem minutter ved bordet **og observere**.* (s. 18)

* * *

Подводя итоги этого обзора выявленных грамматических трансформаций ДК можно говорить о большом разнообразии и богатстве средств норвежского языка для выражения русских ДК. Помимо самого распространённого способа - замены однородным сказуемым – возможны и часто более уместны трансформации в придаточное предложение. Если деепричастие выражает только хронологические отношения, то это придаточное времени с союзными словами *da* (3.3), *etter* (3.3), *mens* (3.4.1), *når* (3.4.4) и некоторые другие. Особо были рассмотрены конструкции с *der* (3.4.3) и с *idet* (3.4.2). Последние, помимо темпорального, могут иметь другие обстоятельственные значения. В тех случаях, когда на хронологические отношения, выражаемые деепричастием, в контексте накладываются логические отношения, используются придаточные предложения соответствующей обстоятельственной семантики (3.5). Неожиданностью оказалась трансформация ДК в нерестриктивные относительные предложения с *som*. Условие, при котором это возможно, было рассмотрено в п. 3.6. В тех случаях, когда хронологические отношения иррелевантны, могут использоваться различные предложные конструкции (п. 3.7, а также *for* + *infinitiv* в 3.5) (Исключением являются конструкции с *etter*, которые могут обозначать только предшествование (п.п. 3.3 и 3.7)). Эти конструкции выражают различные обстоятельственные значения: способа или образа действия, причины и пр.

Наконец, возможны замены деепричастия другой частью речи: причастием или прилагательным (п. 3.8). Отдельно рассматривались трансформации деепричастий в аспектуальную конструкцию или её часть (3.10).

В этой главе рассматривались, на мой взгляд, удачные трансформации ДК. По ходу анализа я стремилась обосновать выбор переводчика, сопоставить близкие по значению и функции конструкции (например, с *tens*, *idet* и *der*) и, может быть, «нащупать» возможные «подводные камни», то есть трудности, которые могут возникнуть при переводе русских ДК. Более подробно речь об этом пойдёт в следующей главе, где будут проанализированы некоторые из ошибок и неудачные трансформации ДК на конкретных примерах из текстов.

Глава 4. «Работа над ошибками»

Материалом для анализа в этой главе, как впрочем и для всего исследования в целом, послужили переводы произведений русской литературы - переводы, выполненные профессиональными переводчиками. То, что перевод деепричастий не всегда оказывается удачным, а иногда (надо сказать, очень редко) бывает явно ошибочным, только лишний раз доказывает, что эта своеобразная категория русского языка, не имеющая прямых соответствий в норвежском языке, достаточно сложна для перевода. Поэтому представляется полезным выявить «подводные камни», на которые переводчик может натолкнуться в своей работе.

Прежде всего, необходимо всегда помнить, что деепричастие и сказуемое относятся к одному и тому же субъекту.

(1) *Высоко в окне, приплюснув нос к тёмному стеклу, брезжит повешенный дядя, водит по стеклу руками, всматривается.* (Т. Толстая, с. 28)

ДО относится к субъекту действия дядя. При переводе произошла перестройка предложения, в результате которой субъект превратился в прямой объект, а предложная конструкция, соответствующая ДО в ИТ (исходный текст), относится к новому субъекту.

Høyt oppe i et vindu med nesen klistret til det mørke glasset skimter jeg den hengte onkelen, han fører hendene langs ruten, stirrer intenst. (s. 17)

Можно было бы предложить следующий вариант перевода:

Høyt oppe i et vindu skimter jeg den hengte onkelen: med nesen klistret til det mørke glasset fører han hendene langs ruten og stirrer intenst.

Далее, распространено представление о том, что деепричастия СВ непременно выражают предшествование. В Главе 2 было доказано, что такие деепричастия могут выражать действие, одновременное с опорным словом, однократное или завершённое (ср. (20), (21) и (22) в гл. 2).

(2) Мужичок почувствовал, что речь идёт о нём, и издал угрожающий звук, **попытавшись** повернуться в сторону Юнкера. (Н. Ключарёва, с. 147)

Здесь два действия происходят одновременно. Пьяный «мужичок» реагирует на то, что речь идёт о нём, он пытается повернуться в сторону говорящего и одновременно «выражает свои эмоции» (издал угрожающий звук). Поэтому неверно переводить ДО как придаточное времени со значением предшествования действию в главной клаузе:

*Den fulle mannen følte at de snakket om ham og utstøtte en truende lyd, etter å ha **forsøkt** å snu seg i retning av Junker. (s. 111)*

Так как ДО имеет скорее значение дополнительного обстоятельства, можно было бы перевести следующим образом:

*Den fulle mannen følte at de snakket om ham og utstøtte en truende lyd **i et forsøk** på å snu seg i retning av Junker.*

Или:

*Den fulle mannen følte at de snakket om ham og utstøtte en truende lyd **idet han forsøkte** å snu seg i retning av Junker.*

В следующем примере, напротив, действие, выраженное деепричастием, предшествует основному действию:

(3) Эраст Петрович покачал головой, живо **представив** себе измождённое, дергающееся тиком лицо мученика этнографии. (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса, с. 40)

Более того, между основным и дополнительным действиями существует причинно-следственная зависимость: покачал головой – это реакция на образ, возникший в голове Э.П.. ДО как бы поясняет главную клаузу. В переводе оба действия переданы «механически» однородными сказуемыми, и логическая связь между ними оказывается нарушенной:

*Erast Petrovitsj ristet på hodet og forestilte seg levende de nervøse rykningene i det **uttærede** fjeset på den såkalte «etnografiens martyr» (s.43)*

Хотя можно было просто поменять местами эти две группы сказуемых (сказуемое с зависимыми словами), или перевести следующим образом:

*Erast Petrovitsj ristet på hodet da han levende forestilte seg de nervøse rykningene i det **uttærede** fjeset på den såkalte «etnografiens martyr».*

Как уже отмечалось выше (см гл. 3), трансформация полипредикативных конструкций с деепричастиями в конструкции с однородными сказуемыми является наиболее распространённой и, как правило, вполне адекватной. Рассмотрим следующий пример:

(4) Парень заорал, **схватившись** обеими руками за грудь... (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса, с. 117)

Оба действия происходят одновременно. Совершенный вид деепричастия в данном случае выражает аспектуальную характеристику действия: его

однократность, результативность, краткость (ср. (21) и (22) в гл. 2). Можно было бы вполне адекватно перевести как однородные сказуемые:

*Fyren satte i et skrik og **grep seg** til brystet med begge hender...*

Но предложение в ИТ на этом не заканчивается:

*Парень заорал, **схватившись** обеими руками за грудь, повалился на пол и забился в судорогах.*

*Fyren satte i et skrik, **grep seg** til brystet med begge hender, deiset i gulvet og vred seg i krampetrekninger. (s. 128)*

Если трансформировать деепричастие в сказуемое, как это сделал переводчик, получается перечисление ряда последовательных действий. Особая связь между *заорал* и *схватившись*, их одновременность при этом утрачиваются. Поэтому, может быть, лучше было бы перевести таким образом:

***Med et skrik grep** fyren seg til brystet med begge hender, deiset i gulvet og vred seg i krampetrekninger.*

При такой трансформации учитывается синтаксическая роль деепричастия как обстоятельства образа действия. Такую же роль выполняют деепричастия и в следующем примере:

(5) *Блаженно улыбаясь, с затуманенными от счастья глазами движется Александра Эрнестовна по солнечной стороне, широким циркулем **переставляя** свои дореволюционные ноги. (Т. Толстая, с. 42)*

И совсем не обязательно переводить всё с помощью однородных сказуемых:

*Aleksandra Ernestovna **smiler** lykksalig, beveger seg på solsiden med øyne som er sløret av lykke, **flytter** sine førrevolusjonære føtter med lange passerbein. (s. 35)*

Можно воспользоваться другими способами трансформации деепричастий, и это будет больше соответствовать ИТ, где первое деепричастие выражает образ действия, а второе – способ действия:

***Med et lykksalig smil** om munnen og øyne sløret av lykke, beveger Aleksandra Ernestovna seg på solsiden **idet hun flytter** sine førrevolusjonære føtter med lange passerbein.*

Рассмотрим ещё такой пример:

(6) ***Толкнув** под локоть Марьиванну, **приподняв** цилиндр, **прищурившись**, вперёд **выходит** дядя Жорж. (Т. Толстая, с. 29)*

Толкнув – деепричастие СВ в препозиции, очевидно, выражает только таксисные отношения и обозначает действие, предшествующее основному. *Приподняв* и *прищурившись* – два обстоятельства образа действия: он выходит вперёд, держа цилиндр в руке, и при этом щурится. Переводчик передаёт все действия однородными сказуемыми, но не совсем понятно, почему изменён порядок их следования:

Onkel George kommer fram, dytter til Marjivanna under albuen, løfter flossen og rynker brynene. (s.18)

Логичней было бы сохранить порядок совершения действий ИТ (если он вышел вперёд, он уже не может толкнуть Марьиванну, она стоит сзади) и, возможно, дать такой перевод:

Onkel George dytter til Marjivanna under albuen, løfter flossen og kommer mysende fram.

В целом же, распространённое представление о том, что деепричастие – это только дополнительное действие, «второе» сказуемое, и при переводе его достаточно трансформировать в одно из однородных сказуемых, делает перевод довольно однообразным, значительно обедняет его, лишает его нюансов, которые присутствуют в ИТ. В главе 2 мною было показано, что в разных контекстах деепричастие может приобретать дополнительные, логические значения.

*(7) Зимой дворники наклеивали на чёрное небо золотые звёзды, посыпали толчёными брильянтами проходные дворы Петроградской стороны и, **взбираясь** по воздушным морозным лестницам к окнам, готовили на утро сюрпризы: тоненочими кисточками рисовали серебряные хвосты жар-птиц. (Т. Толстая, с. 37)*

В этом контексте деепричастие явно имеет дополнительное значение: оно выступает обстоятельством цели.

*Om vinteren klistret vaktmestrene gullstjerner på himmelen, drysset slepne briljanter på gårdsplassene i bydelen Petrogradskaja, **og tok seg opp** langs luftige froststiger til vinduene, forberedte overraskelser til neste morgen: med fine pensler malte de fine eventyrfugler med halefjær av sølv. (s. 52)*

При переводе деепричастие трансформировалось в одно из сказуемых, наряду с *klistret, drysset, forberedte*. В ИТ автор создаёт поэтический, сказочный образ зимней морозной ночи, но там есть своя логика. В переводе же неясно, зачем взбирались и на чём рисовали, так как логическая связь между деепричастием и опорным словом оказалась утрачена. Эту связь можно было бы подчеркнуть, дав следующий перевод:

*Om vinteren klistret vaktmestrene gullstjerner på himmelen, drysset slepne briljanter på gårdsplassene i bydelen Petrogradskaja, **og tok seg opp** langs luftige froststiger til vinduene **for å forberede** overraskelser til neste morgen: med fine pensler malte de fine eventyrfugler med halefjær av sølv.*

Вообще, умение выявлять значения деепричастий в контексте – непереносимое условие правильного перевода. Это не всегда легко, иногда определённую роль могут играть и экстралингвистические факторы, такие, как например, знание исторических реалий:

*(8) Он быстрыми костлявыми пальцами растегнул сюртук, **открыв** рубаху навывпуск, медные пуговицы жилета и цепочку часов, и быстро достал толстый старый бумажник. (Л. Толстой. Анна Каренина)*

Med de lange knokete fingrene sine åpnet han bonjouren, løsnet på skjorten, kneppet opp vesterknappene av messing, spente av seg urkjedet og fisket raskt frem en gammel, tykk lommebok.

Здесь, как видим, деепричастие и опорное слово также были трансформированы в однородные сказуемые, так как переводчик не понял, что это не ряд следующих друг за другом действий, а одно комплексное действие (об этом см. тж. гл. 2). Эта ошибка повлекла за собой полностью неверную трактовку данного отрывка. На самом деле это описание имеет у Л. Н. Толстого определённое значение для социальной характеристики данного персонажа. Непрактичному прожигателю жизни дворянину Стиве Облонскому противопоставлен торгующий у него лес хищный делец, разбогатевший купец Рябинин – ведь рубаху навывпуск под сюртуком носили купцы. Но этого переводчик мог просто не знать, и предложение оказалось полностью лишённым смысла. Правильней было бы перевести следующим образом:

Med de lange knokete fingrene sine åpnet han bonjouren, slik at hans utenpåskjorte, vesterknapper av messing og urkjede kom til syne, og fisket raskt frem en gammel, tykk lommebok.

Отдельно коснусь вопроса о трансформациях деепричастий при переводе слов автора, вводящих прямую речь. Как уже отмечалось в Главе 3, п. 3.2 такие трансформации сомнительны, если деепричастие выражает таксисные отношения предшествования.

*(9)Наверху истошный женский голос кричал про милицию. Слова сопровождалась грохотом.
- Жена из дома выгоняет. Заранее вещи в мешки увязала, а теперь на площадку выкидывает. Каждый праздник такая история, - сказал Никита, прислушавшись. (Н. Ключарёва)*

Специально даю интересующие нас слова автора в более широком контексте, из которого легко понять, что Никита услышал шум и дал происходящему своё объяснение. Такая последовательность действий не вызывает сомнений. В переводе получается иначе:

*Ovenpå ropte en gjennomtrengende kvinnestemme noe om politi. Ordene ble fulgt av bulder og brak.
- Det er kona som kaster ham ut av huset. På forhånd har hun pakket tingene hans i sekker, og nå slenger hun dem ut på trappeavsatsen. Hver festdag samme historien, sa Nikita og lyttet. (s. 112)*

При переводе мы всегда стараемся по возможности сохранить авторскую структуру текста, но может быть, иногда лучше поступиться структурой для более верной передачи содержания? Например, в данном случае начать со слов автора, а затем дать прямую речь:

Nikita lyttet og sa: Det er kona som kaster ham ut av huset. På forhånd har hun pakket tingene hans i sekker, og nå slenger hun dem ut på trappeavsatsen. Hver festdag samme historien.

Также и в следующем примере при переводе нарушается порядок действий:

(10) - *Сергей Петрович Гедеоновский!* – пропищал краснощёкий казачок, **выскочив** из-за двери. (И.Тургенев, с. 140)

- *Sergej Petrovitsj Gedeonovskij!* – *pep den rødkinnede lille kosakkgutten og spratt frem i døråpningen.* (s. 8)

Это можно преодолеть, как и в предыдущем случае, поменяв местами прямую речь и слова автора. А можно, учитывая, что действия происходят почти одновременно (= он появляется в дверях со словами...), перевести:

- *Sergej Petrovitsj Gedeonovskij!* – *pep den rødkinnede lille kosakkgutten **der han spratt frem** i døråpningen.*

Точно также, как вполне допустимо нарушение структуры авторского текста и перестановка его частей, когда это целесообразно для наиболее адекватной передачи смысла, вполне приемлемой трансформацией при переводе Д/ДО является членение предложения.

(11) *К весне Пипка дошла до Москвы, **ночью** в стогах и **избегая** большаков...*
(Т. Толстая, с. 63)

*Da våren kom, var Pipka kommet fram til Moskva, **hadde overnattet i høystakker og unngått hovedveiene...***(s. 110)

В данном случае стилистически будет лучше передать два ДО одним отдельным предложением, так как оба деепричастия совпадают по своим аспектуально-темпоральным характеристикам, но отличаются в этом смысле от опорного слова.

*Da våren kom, var Pipka kommet fram til Moskva. Hun **hadde overnattet i høystakker og unngått hovedveiene...***

* * *

Этот небольшой обзор трудностей перевода деепричастий не претендует на то, чтобы быть исчерпывающим, но уже из него ясно, что трансформация полипредикативной конструкции с Д/ДО в предложение с однородными сказуемыми далеко не всегда будет наиболее удачным переводом. В норвежском языке есть много других средств для адекватной передачи русских деепричастий, чему и была посвящена глава 3. Поэтому важно выявлять, помимо таксисных, возможные логические значения деепричастий в конкретном контексте (см. (7)), и находить адекватные замены из того богатого набора средств, которые имеются в ПЯ (языке перевода). Кроме того, необходимо учитывать, что, как это было показано в главе 2, деепричастия выражают не только таксисные, а скорее аспектуально-таксисные отношения, и в частности, деепричастия СВ – это не всегда разновременность (см. (2), (8)). Ну и конечно, каждый раз учитывать, насколько подобранная замена вписывается в конкретный контекст с точки зрения логики и стилистики (см. (4), (11)).

Неносителю языка всё это может показаться очень трудным и запутанным, так как невозможно дать более чёткие рекомендации о том, какие трансформации соответствуют той или иной видовой форме деепричастия в той или иной

позиции (препозиция, постпозиция). Мы видим, что очень многое зависит от конкретного контекста. На самом деле, думается, что это создаёт серьёзные проблемы только для машинного перевода, потому что в отличие от компьютера, «живой» переводчик может анализировать конкретную описываемую ситуацию, применяя свой опыт, лингвистические и экстралингвистические знания. Всё это в сочетании с пониманием грамматической семантики русских деепричастий непременно позволит дать наиболее эквивалентный перевод.

Глава 5. Деепричастия в русских переводах

Хотя предметом рассмотрения в данной работе являются грамматические замены деепричастий при переводе на норвежский язык, я сочла целесообразным подойти к теме также и с противоположного конца: посмотреть, какие грамматические и синтаксические конструкции в норвежских текстах переводятся русскими переводчиками с помощью деепричастий. Целью было установить, могут ли быть какие-либо иные способы перевода деепричастий, которые пока не используются при переводе на норвежский язык. Для выполнения этой дополнительной задачи мною было собрано (с помощью корпуса RUN) и проанализировано 215 примеров из русских переводов произведений современной норвежской литературы.

Результаты анализа в целом показали, что переводчики не следуют слепо грамматическим формам и синтаксическим конструкциям оригинала, а с естественной лёгкостью там, где это уместно, используют Д и ДО. Такие трансформации предпочтительней, так как они делают русскую фразу более ёмкой и динамичной. Однако совершенно очевидно, что такой приём возможен только при совпадении субъектов двух и более действий. Поэтому бывает, что переводчик даже переделывает предложение таким образом, чтобы был единый субъект действия (см. тж. п. 6 (39) и п. 7 (40) в Приложении):

(1) *Oline så forundret på Jacob da replikken falt.* (Herbjørg Wassmo)

Услышав это, Олине с удивлением подняла на него глаза.

(вместо например более тяжеловесной фразы: *Олине с удивлением посмотрела на Якова, когда прозвучали эти слова.*)

Далее анализ подтвердил установленные мною ранее соответствия между норвежскими грамматическими структурами и русскими Д и ДО. Примеры на каждое такое соответствие при переводе с норвежского языка на русский приведены мною в отдельном приложении. Здесь же я ограничусь лишь кратким комментарием к вопросу о переводе норвежских конструкций с однородными сказуемыми. Прежде всего, возникает вопрос, ответ на который было бы интересно получить, но это выходит за рамки моего исследования: как переводчик определяет, что должно стать опорным словом, а что можно выразить деепричастием? В не меньшей мере это касается предложений с тремя сказуемыми. В этой связи ещё более интересно рассмотреть следующий перевод:

(2) *Skuta knaka, sokk, steig.* (Karsten Alnæs, s. 19)

Судно потрескивало, то опускаясь, то поднимаясь. (с. 18)

Переводчик не только выстраивает иерархию: главное действие (опорное слово) и два второстепенных, выраженных деепричастиями, но и сопровождает два деепричастия разделительным союзом *to... to*. Такая нюансировка, подразумевающая чередование двух действий, гораздо ярче рисует в воображении читателя картину судна во время шторма, при этом вообще-то не нарушая лаконичный стиль автора.

Рассмотрим другой пример трансформации однородных сказуемых.

(3) *Nå tegnet han også skisser med kullstift på papir, på den måten **forsøkte** han seg frem til han var fornøyd. (Jan Wiese)*

Части норвежского предложения равноправны, между ними можно было бы поставить точку. Слова *på den måten* связывают две части между собой. Предложение вполне можно было перевести, сохраняя его синтаксическую структуру без изменений:

Для каждой позиции он делал наброски углем на бумаге, таким образом пытался он отыскать оптимальный вариант.

Однако обстоятельство образа действия *på den måten*, отсылающее к первой части предложения, делает второе действие уточняющим по отношению к первому, и поэтому вполне уместно использование деепричастия, как это сделал переводчик, а *på den måten* можно просто опустить.

*Для каждой позиции он делал наброски углем на бумаге, **пытаясь** отыскать оптимальный вариант.*

То же самое в следующем примере:

(4) *Han beretter sine historier og **knytter** på den måten dagen i dag til alt som har skjedd før. (Jan Wiese)*
Он рассказывает свои истории, связуя день сегодняшний с тем, что случилось в прошлом.

В контексте данного исследования важно обратное: при переводе на норвежский язык деепричастий с подобным уточняющим значением могут понадобиться дополнительные лексические средства для более полного раскрытия логической связи деепричастия и опорного слова.

Наконец, те новые соответствия, которые выявил анализ переводов на русский язык. Прежде всего, расширился список предложных конструкций, которые могут заменять Д и ДО.

Рå + сущ.

- (5) ***På min tur** gjennom byen i går skar jeg noen kvister av piletrærne som vokser nede ved stranden. (Jan Wiese)*
***Прогуливаясь** вчера по городу, я срезал несколько веток плакучей ивы, эти деревья растут на побережье.*
- (6) ***På reisen** gjennom de mørke skogene satt markien og jeg og stirret stumt på veien framfor oss. (Nikolaj Frobenius)*
***Проезжая** по густым лесам, мы с маркизом молча смотрели на дорогу.*

Неожиданностью было то, что в некоторых случаях происходит замена не всей предложной конструкции, а только предлога (конечно, не в его синтаксической роли, а только в семантической функции).

(7) *Tilbake i Paris kom Ramon til å huske på den medisinske pamfletten han hadde lest noen uker tidligere. (Nikolaj Frobenius)*

Вернувшись в Париж, Рамон вспомнил о медицинском трактате, который прочитал несколько недель назад.

(8) *De gikk ned i annen etasje... Derfra **forbi** besøkshallen og inn i en korridor... (Roy Jakobsen, s. 48)*

*Они спустились на второй этаж... **Миновав** зал для заседаний, оказались в коридоре...(с. 624)*

Нередко в таких случаях переводчику приходится использовать приём конкретизации значения, т.к. семантика деепричастия всегда намного богаче нюансами, чем семантика предлога. Такая конкретизация происходит, естественно, каждый раз с учётом контекста. Сравним для примера перевод предлога *gjennom*:

(9) *De understreker nettopp skikkelsenes uendelige renhet, ikke som en utfyllende beskrivelse, men **gjennom** kontrastens sjokkartete skrik. (Jan Wiese)*

*Фон, именно фон, подчеркивает вечную ее чистоту, но не как обязательное дополнение, а **создавая** контраст, ужасающий и провоцирующий.*

(10) *I stedet for å gjengi våre springende samtaler i mange sene kvelder, vil jeg heller la ham tale **gjennom** de papirer han har etterlatt seg. (Jan Wiese)*

*Вместо отрывистого описания наших бесед по вечерам в трамтории, я предоставляю слово самому художнику, **публикуя** записи, которые он оставил для меня.*

Формальным переводом *gjennom* были бы предлоги *через* или *посредством*, но стилистически, в художественном тексте такой перевод был бы совершенно неприемлем, поэтому гораздо более удачен выбор, сделанный переводчиком. Также и в следующих примерах буквальный перевод предлогов был бы невозможен:

(11) *Igjen ble David grepet av mismot **over** sin egen situasjon... (Erik Fosnes Hansen)*

***Вспомнив** о своем положении, Давид опять упал духом...*

(12) *Han blunket **mot** pakken i Latours hender. (Nikolaj Frobenius)*

*Он подмигнул, **косясь** на пакет в руке Латура...*

В двух следующих примерах два разных переводчика независимо друг от друга прибегают к одному и тому же приёму, используя деепричастный оборот:

(13) *Han hadde iaktatt deler av et truende bilde fra salvinduene. **Bak** gardinet. (Nikolaj Frobenius)*

*Кое-что он уже видел из окон залы, **спрятавшись за** занавеску.*

(14) *Hadde Rigemor Jølsen skult på tyskerne **fra bak** kjøkkengardinet, hennes helt private bush, mens et barn eller to hadde klamret seg til det omsyddde skjørtet hennes? (Ingvar Ambjørnsen)*

*Наблюдала она тоже исподтишка за немцами, **спрятавшись за** кухонной занавеской, окруженная цеплявшимися за ее старую, перешитую юбку малышами?*

И хотя можно было перевести *из-за занавески*, вероятно, это делается, чтобы избежать стилистически немотивированного скопления похожих предложных конструкций: *...из окон залы. Из-за занавески..., за немцами, из-за кухонной занавески.*

Другой интересный случай трансформации заключается в «расщеплении» лексического значения норвежского глагола при переводе. Основное значение – само физическое действие – передаётся опорным словом, а на долю деепричастия приходится обозначение того, как это действие совершается, т.е. значение образа действия, при этом деепричастие по своей функции сближается с наречием:

(15) *Han **tumlet** over tunet. (Nikolaj Frobenius)*

***Спотыкаясь, прошел** через двор.*

(16) *Det er Bou-Bou, **stammer** han. - Hva er det med henne? Hun har prikker. Prikker? (Nikolaj Frobenius)*

*Бу-Бу заболела, **заикаясь произносит** он. - Что с ней? На ней сыпь. Какая сыпь?*

(17) *Hennes yngre bror skulle ha lært tall, mumlet lensmannen med sprukken stemme. Så **ravet** han **ut** av rommet. (Herbjørg Wassmo)*

*Будь у нее младший брат, вот кому бы пристало учить цифры, ворчал ленсман дрогнувшим голосом. И, **пошатываясь, покидал** комнату.*

(18) *Hun **myste** mot Latour og bøyde seg fram mot ham og kysset ham midt i ansiktet med de våte leppene sine. (Nikolaj Frobenius)*

*Она **прищурившись посмотрела** на Латура, склонилась к нему и поцеловала его лицо мокрыми губами.*

(19) *Hun **vakler** over gulvet mot trappen. (Nikolaj Frobenius)*

***Шатаясь бредет** она к лестнице, ведущей на чердак.*

В некоторых случаях перевод только с помощью глагола просто невозможен, как например в (17): *å rave – качаться, шататься*, но в сочетании с *ut av rommet* этот глагол приобретает значение завершенности действия, поэтому приходится прибегать к помощи соответствующего глагола движения в сочетании с деепричастием (или наречием – в другом контексте могло быть *vразвалку, вперевалку*). В других случаях можно было бы перевести одним глаголом. Например, в (19): *Она ковыляет к лестнице, ведущий на чердак*. Но употребление деепричастия, как это сделано переводчиком в (19), задерживает внимание читателя на том, как совершается действие. Благодаря этому создаётся более выразительная картина, что вполне уместно в художественном произведении. В таком случае деепричастие играет определённую стилистическую роль.

Так как целью всего этого исследования было получение наиболее полного представления о возможных грамматических трансформациях Д и ДО при переводе, то уместно будет привести здесь и малотипичные замены:

Наречие – деепричастие:

- (20) *Han lo **fremdeles** da han hentet en stige ved fjøsveggen og beordret alle inn i hus, så han kunne arbeide i fred. (Herbjørg Wassmo)*

***Не переставая** смеяться, он принес из хлева лестницу и велел всем идти в дом.*

Фразеологический оборот – опорное слово + ДО:

- (21) *De gikk side om side, og snakket **i munnen på hverandre**. (Nikolaj Frobenius)*

*Они разговаривали, **перебивая друг друга**.*

Perfektum partisipp – ДО с переосмыслением:

- (22) *Jeg returnerte mappen uåpnet. (Jan Wiese)*
Я возвратил документы, не читая их.

Предлог Постфикс – деепричастие (с противоположным значением, поэтому с отрицательной частицей)

- (23) *Felespilleren lærte kunsten så godt at han kunne spille **med sjøvottene på**. (Herbjørg Wassmo)*

*Парень научился играть на феле, он мог играть, даже **не снимая** рукавиц.*

- строго говоря, здесь можно было перевести: *мог играть в рукавицах*. То, что переводчик так легко прибегает к деепричастию, говорит о том, насколько эта грамматическая категория естественна и по-прежнему живуча в русском языке.

Der og da

- (24) *Hun sto i asken etter brannen på foreldrenes gods ... Hun bestemte seg **der og da** for å vie livet sitt til jakten etter penger. (Nikolaj Frobenius)*
*Она стояла на пепелище родительского имения ... И, **стоя там**, на пепелище, она решила сделать все, чтобы преумножить оставшееся ей состояние.*

Итак, анализ переводов на русский язык, во-первых, подтвердил наши выводы о том, какие грамматические структуры норвежского языка могут использоваться при переводе русских Д и ДО. Более того, наши представления о грамматических трансформациях деепричастий несколько расширились. Оказалось, что ещё целый ряд норвежских предложных конструкций, как правило в функции обстоятельства, могут заменять Д и ДО. И наконец, мы увидели, что деепричастия охотно и очень активно используются при переводе на русский язык.

Заключение

Целью данного исследования было выявить, проанализировать и систематизировать грамматические трансформации при переводе ДК на норвежский язык.

Перед тем как приступить к исследованию, надо было определить само понятие *грамматическая трансформация*. В Главе 1 я, опираясь на работы теоретиков перевода и исходя из сущности перевода как перевыражения смысла на материале другого языка, объясняю необходимость переводческих трансформаций ассиметричностью систем двух языков, сталкивающихся в переводе. Один из видов переводческих трансформаций – трансформации грамматические, то есть преобразования, затрагивающие грамматическую структуру высказывания. Их необходимость обусловлена отсутствием в ПЯ регулярных соответствий некоторым грамматическим формам или категориям ИЯ. Именно такой формой при переводе с русского языка на норвежский оказывается деепричастие.

Для понимания того, какие грамматические значения деепричастия необходимо передавать при переводе и какие для этого нужны грамматические трансформации (замены), следовало сначала понять природу деепричастия и исследовать его грамматическую семантику. Этому была посвящена Глава 2. Я исходила из общепринятых представлений о двойственной природе русского деепричастия и отсюда двойственности его синтаксической функции (зависимый предикат или обстоятельство), а также из представления о том, что деепричастие выражает зависимый таксис. Всё это вместе даёт большое разнообразие грамматической семантики деепричастия, которую я исследую в Главе 2 на конкретных примерах из русской литературы. Анализ примеров подтверждает, что деепричастие может выражать хронологические отношения (предшествование, одновременность и в редких случаях следование), а также обстоятельственные значения (причины, условия, уступки, цели, следствия). Кроме того, деепричастие может уточнять основное действие, составлять с ним один сложный акт, иметь значение результата, логического следствия основного действия. В таких случаях, как оказалось, вид деепричастия вовсе не отражает хронологических отношений. Чтобы осмыслить ситуации, когда деепричастия СВ, вопреки расхожему мнению, не выражают разновременность, а деепричастия НСВ – одновременность, и на основании проанализированных примеров, была предложена гипотеза о приоритете аспектуальности над таксисом при выборе вида деепричастия и о том, что деепричастие выражает не таксисные, а аспектуально-таксисные отношения. Можно, наверно, утверждать, что это

предположение вписывается в общую аспектуально-темпоральную систему русского языка. Конечно, эту гипотезу необходимо будет проверить, примеряя её ко всем возможным аспектуально-темпоральным ситуациям. Однако уже сейчас ясно, что при переводе надо рассматривать аспектуально-таксисную ситуацию в целом, а не исходить из представления о том, что деепричастие СВ выражает разновременность, а НСВ – одновременность. И кроме того, уметь выявлять разнообразные значения деепричастия, которые возникают в конкретном контексте.

В Главе 3 представлены результаты исследования грамматических трансформаций при переводе ДК на норвежский язык. Помимо трансформации в однородное сказуемое (по статистике наиболее распространённый вид), это и придаточное времени (хронологические отношения), и другие обстоятельственные клаузы (дополнительно выражаются логические отношения), это также различные предложные конструкции и, наконец, замена другой частью речи (причастие и прилагательное). Кроме того, деепричастие может трансформироваться в аспектуальную конструкцию или её часть. Всё это говорит о большом разнообразии способов перевода ДК на норвежский язык. Переводчик должен только уметь правильно определить грамматическую семантику деепричастия и, как это всегда бывает для достижения эквивалентности перевода, учитывать контекст.

Некоторые трудности, которые могут возникнуть при переводе ДК, рассмотрены на конкретных примерах в Главе 4. В ней, в частности, показано, что простая трансформация в однородное сказуемое может делать перевод однообразным (как, например, в (5)), обеднять его, лишая присутствующих в ИТ логических связей (как, например, в (7), где не было раскрыто обстоятельственное значение цели), наконец, просто делать его ошибочным (как в (8), где не было понято уточняющее значение деепричастия). Ошибки также возникают из-за укоренившегося представления о том, что деепричастия СВ непременно должны выражать предшествование, или разновременность (см. (2)). В то же время в словах автора при передаче прямой речи, там, где действие, выраженное деепричастием, действительно предшествует действию в главной клаузе, в переводе оно оказывается одновременным или даже последующим (зависит от нашего толкования однородных сказуемых с союзом *og*), потому что слова автора после прямой речи принято начинать с глагола речи (см. (9) и (10)). Наконец, выбирая тот или иной способ перевода, помимо грамматической семантики деепричастия, необходимо учитывать, насколько выбранная замена вписывается в конкретный контекст с точки зрения логики и стилистики (см. (4) и (11)).

Для получения ещё более полного представления о грамматических трансформациях ДК были также проанализированы переводы норвежских текстов на русский язык. Результаты анализа представлены в Главе 5 и в Приложении к ней. Они подтверждают сделанные в Главе 3 выводы о том, какие норвежские грамматические и синтаксические конструкции могут заменять русские ДК при переводе. Кроме того, было дополнительно выявлено несколько норвежских предложных конструкций в функции обстоятельства, в которые могут трансформироваться русские деепричастия.

Подводя итоги этого исследования очень хотелось бы дать конкретные рекомендации о том, какие грамматические трансформации следует использовать при переводе деепричастия в той или иной видовой форме, в той или иной позиции по отношению к опорному слову, с той или иной грамматической семантикой. Но это невозможно. В каждом конкретном случае переводчику необходимо рассматривать всю аспектуально-темпоральную ситуацию в целом, выявлять возможные дополнительные логические значения, которые возникают в конкретном контексте, вообще учитывать контекст, его логику и стилистику. Однако достижение адекватного перевода ДК будет затруднительно без хорошего знания имеющихся в норвежском языке средств для грамматической трансформации русских деепричастий при переводе, а таких средств, как показало это исследование, в норвежском языке достаточно много.

1 Литература

1.1 Научная литература

1. Алимов. В. В. Теория перевода. Москва. Либроком, 2013
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Москва. Международные отношения, 1975
3. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / РАН, Институт лингвистических исследований. – Москва, 2002
4. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове, 2 изд., § 27. Москва, 1972
5. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. Москва, 1978
6. Гарбовский Н. К. Теория перевода. Издательство Московского университета, 2007
7. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. т.2. Синтаксис. – Москва, 1973.
8. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология . Москва – Вена, 1954 (2003).
9. Козинцева Н.А. Деепричастие // Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В.Н. Ярцевой - Москва, 1990.
10. Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка. СПб., 2000
11. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Москва. «Р. Валент». 2011
12. Левитан К. М. Юридический перевод. Основы теории и практики. Москва. Проспект. 2015
13. Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978
14. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении, 1956.
15. Проект корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>).
Статья «Деепричастие» (О.С. Биккулова, 2011)
16. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. 4-е изд.. Москва. Р.Валент.2010
17. Русская грамматика, РГ АН СССР - Москва, Наука, 1980
18. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Москва, Высшая школа. 1983
19. Храковский В.С. (Отв. ред.) Типология таксисных конструкций. Москва, 2009.
20. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Москва. 2001 (1-е изд.1941)
21. Швейцер А. Д. Теория перевода. Москва. «Наука»1988
22. Югов А. К. Думы о русском слове. 1975, Современник
23. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. Москва, 1972.
24. Birzer S. Русское деепричастие: процессы грамматикализации и лексикализации. Slavolinguistica, 11. München: Otto Sagner. 2010.
25. Filiouchkina Krave, Maria 2011. Converbs in Contrast: Russian converb constructions and their English and Norwegian counterparts. University of Oslo.

26. Haspelmath, Martin. 1995. The converb as a cross-linguistically valid category. I: Haspelmath, M., König, E. (red.) *Converbs in cross-linguistic perspective: structure and meaning of adverbial verb forms, adverbial participles, gerunds*. Berlin, Mouton de Gruyter.
27. Haspelmath, Martin. 1997. *From Space to Time. Temporal Adverbials in the World's Languages*. München – Newcastle, Lincom Europa
28. Lomheim, Sylfest. *Omsettingsteori*. Universitetsforlaget. 1995
29. Newmark, Peter. *Approaches to Translation*. Prentice Hall International Ltd. 1988
30. Nida, E. *Towards a Science of Translating*. Leiden, 1964
31. Nilsen-Nygaard, Astrid. «Men trollet sprakk idet sola rant!»
En studie av idet-konstruksjoner i moderne norsk. Hovedfagsoppgave i nordisk språk og litteratur. Høsten 2002. Institutt for nordistikk og litteraturvitenskap. Universitetet i Oslo.
32. Norsk referansegrammatikk (NRG). 1997: Universitetsforlaget.
33. Rappaport, Gilbert C. 1984. *Grammatical Function and syntactic Structure: The Adverbial Participle of Russian*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc.

1.2 Художественная литература

Примеры для анализа взяты из следующих литературных произведений (выходные данные не приводятся, если источником было не печатное издание, а параллельный корпус RuN (<http://www.nevmenandr.net/run/index.php#>); в таком случае в тексте самой работы, кроме Главы 2, также нет ссылок на страницы):

Акунин Б.

- Коронация – Kroningen (overs. av Isak Rogde)
- Смерть Ахиллеса. – Захаров. Москва, 2000
- Akilles død – Aschehoug, 2005 (overs. av Isak Rogde)
- Турецкий гамбит - Захаров. Москва. 2000
- Tyrkisk gambit - Aschehoug. 2003. (overs. av Isak Rogde)

Белый А.

- Петербург – Petersburg (overs. av Erik Egeberg)

Булгаков М. А.

- Роковые яйца - Fatale egg (overs. av Dagfinn Foldøy)
- Собачье сердце - Hundehjertet (overs. av Erik Egeberg)
- Мастер и Маргарита - Mesteren og Margarita (overs. av Erik Egeberg)

Бунин И. А.

- Антоновские яблоки: Б-ка мировой литературы – Москва, Детская литература, 1980
- Antonov-epler: Kjærlighetens grammatikk og andre fortellinger - Solum forlag A/S, 1976 (overs. av Marit Bjerken Nielsen)

Ключарёва Н.

- Россия:общий вагон Лимбус Пресс, Санкт-Петербург. 2008
- Russland rundt på tredje klasse - Cappelen Damm, 2011 (overs. av alf B. Glad)

Курков А.

Смерть и пингвин. - Døden og pingvinen (overs. av Dina Roll-Hansen)

Петрушевская Л.

Жила-была женщина... Песни восточных славян – Астрель. 2011

Det var engang en kvinne... Cappelen Damm, 2012

(overs. av Hege Susanne Bergan)

Толстая Т.

Любишь – не любишь: Рассказы – М.: Оникс, ОДМА-ПРЕСС, 1997

Elsker – elsker ikke og andre historier. J.W. Cappelen forlag AS. 1990.

(overs av Ingvild Broch)

Толстой Л. Н.

Анна Каренина - Anna Karenina (overs. av Erik Egeberg)

Тургенев И. С.

Дворянское гнездо. - Худ. лит-ра, Москва, 1968

Et adelshjem. - Solum Forlag A/S.1994. (overs. av Erling Sande)

Улицкая Л.

Сонечка – ЭКСМО-пресс, Москва, 2001

Sonetsjka – Bazar Forlag, Oslo, 2006 (overs. av Marit Bjerkgeng)

Медея и её дети – ЭКСМО, 2006

Medea og hennes barn - Bazar Forlag, Oslo, 2007 (overs. av Marit Bjerkgeng)

Чехов А. П.

Дама с собачкой: Б-ка мировой литературы –

Москва, Детская литература, 1980

Damen med hunden - Solum Forlag, Oslo, 2001(overs. av Geir Kjetsaa)

Кроме того, для написания Главы 2 использовался Национальный корпус русского языка (НКРЯ) <http://www.ruscorpora.ru/>.

В Главе 5 анализируются примеры из следующих произведений норвежской литературы и их переводы:

Erik Fosnes Hansen

Salme ved reisens slutt – Псалом в конце пути (пер. Л.Горлина)

Erlend Loe

Naiv. Super (пер. Инна Стреблова)

Herbjørg Wassmo

Dinas bok – Книга Дины (пер. Л. Горлина)

Ingvar Ambjørnsen

Utsikt til paradiset - J.W. Cappelens forlag, 1997

Ингвар Амбьёрнсен «Вид на рай». Москва, Импэто, 2001. (пер. Л. Попова)

Jan Wiese

Kvinnen som kledte seg naken for sin elskede – Святая и грешница

(пер. Л. Попова)

Jostein Gaarder

Sofies verden – Мир Софии (пер. Т. Доброницкая)

Karsten Alnæs

Hestene. I: Det grønne landet - Det norske samlaget. Oslo, 1986

Лошади. //Великанова купель. /Норвежская новелла 70-80-х годов –

Москва. Радуга, 1989 (пер. Е. Чевкина)

Nikolaj Frobenius

Latours katalog – Каталог Латура (пер. Л. Горлина)

Roy Jakobsen

Fuglefrø. I: Fangeliv, noveller - J.W. Cappelens forlag, 1982

Птичий корм////Великанова купель. /Норвежская новелла 70-80-х годов –

Москва. Радуга, 1989 (пер. К. Фёдорова)

Til slutt vil jeg spesielt nevne RuN (<http://www.nevmenandr.net/run/index.php#>) som gjorde arbeidet mitt med å samle inn materiale betydelig lettere.

Приложение к Главе 5

В Главе 3 были перечислены различные грамматические конструкции и другие способы замены деепричастий при переводе на норвежский язык. Ниже приводятся примеры этих конструкций, взятые из произведений норвежской литературы, и их перевод на русский язык. Как это видно из представленного материала, русские переводчики находят, что в русском языке этим конструкциям соответствуют деепричастия.

1. Однородные сказуемые

- (1) *Så er det mammas tur. Hun har hørt hva Thomas sa og snur seg resolutt.*
(Jostein Gaarder)

Теперь очередь за мамой. Услышав слова Томаса, она поспешно оборачивается.

Так же и с бессоюзной связью:

- (2) *Skuta knaka, sokk, steig.* (Karsten Alnæs, s. 19)
Судно потрескивало, то опускаясь, то поднимаясь. (с. 18)

2. Придаточные времени и другие конструкции для выражения предшествования

- (3) *Da hun ikke fikk noe sva, snudde hun setningen på hodet og sa...*
(Jostein Gaarder)

Не получив ответа, она склонила голову набок и добавила...

- (4) *Oline så forundret på Jacob da replikken falt.* (Herbjørg Wassmo)
Услышав это, Олине с удивлением подняла на него глаза.

- (5) *Nå som hun var blitt velstående, og syntes hun var godt hevet over den gemene hop, fikk hun det for seg at Latour måtte lære seg dannelse som svarte til hans stand.* (Nikolaj Frobenius)

Теперь, став состоятельной и считая, что поднялась над толпой, она твердо решила дать Латуру образование, приличествующее его положению.

- (6) *Samme natt, etter at jeg hadde slått av TV-apparatet, gikk jeg igjen inn på mors rom.* (Ingvar Ambjørnsen, s.7)

В ту ночь, выключив телевизор, я снова пришёл в мамину комнату. (с. 7)

3. Придаточные времени и другие конструкции для выражения одновременности

(7) **Mens** Sofie **leste**, kikket hun flere ganger ut gjennom vinduet for å se om den mystiske brevsenderen dukket opp ved postkassen. (Jostein Gaarder)
Читая, София то и дело поглядывала в окно: не появился ли возле почтового ящика ее загадочный корреспондент?

(8) **Idet hun gikk forbi** vinduet i gangen, oppdaget hun at det sto en tent lykt i lysthuset! (Jostein Gaarder)
Проходя мимо окна в коридоре, она обнаружила, что в садовой беседке горит фонарь.

4. Конструкции с *der*

(9) *Han kjente seg støl og gammel og ikke så lite ensom, **der han lusket ned** til alle de gjøremål han hadde forsømt.* (Herbjørg Wassmo)
Иаков чувствовал себя разбитым, старым и одиноким, **спускаясь** к делам, которыми так долго пренебрегал.

5. Конструкции с *når*

(10) *At hun lærte tall så raskt at hun gjorde krambodknekten forlegen **når hun regnet ut** tall med flere siffer i hodet før han hadde fått notert dem, var det ingen som nevnte.* (Herbjørg Wassmo) – *хабитуальность*
Считать же она научилась так быстро, что приводила в замешательство приказчика в лавке, **сосчитав** в уме раньше, чем он успевал записать цифры. Но за это ее никто не хвалил.

(11) *Men likevel: **Når jeg nå sto** inne på mors rom **og så** ut over blokkene i lia under meg, gikk det opp for meg at jeg i grunnen ikke hadde satt mine ben her inne siden jeg var liten gutt...* (Ingvar Ambjørnsen) - *одновременность*
Но сейчас, однако, **стоя** в маминной комнате **и рассматривая** лежащие почти подо мной блоки, я подумал, что давно не бывал здесь, определенно, с тех пор как вырос...

6. Грамматические трансформации, выявляющие логические отношения

- Причина

(12) *Han var rasende **fordi han skjønte** at Jacob ikke hadde vist måte, og ventet med bryllupsnatten til folk var kommet til ro i sømmelighet.* (Herbjørg Wassmo)
Он рассердился на Иакова, **поняв**, что тот в своем нетерпении не дождался ночи, когда гости разойдутся на покой.

- Цель

(13) *Visste du at Michelangelo tilbrakte tolv år i disseksjonsrommet **for å studere** menneskets form?* (Nikolaj Frobenius)

Ты слышал, например, что Микеланджело двенадцать лет провел в анатомическом театре, **изучая** строение человеческого тела?

- Условие

(14) *Hvis man analyserer lyset fra en planet kan man finne ut hva overflaten må bestå av. (Erik Fosnes Hansen)*

Анализируя свет той или иной планеты, можно узнать, из чего состоит ее поверхность.

- Следствие

(15) *Hun støtte punsjeglasset ut av lensmannens hånd så innholdet satte flere ugunstige flekker på omgivelsene. (Herbjørg Wassmo)*

Она вырвала из руки ленсмана стакан с пуншем, **забрызгав** всех вокруг.
(общий субъект)

7. Неристриктивное относительные предложения

(16) *Den neste morgen ble han møtt av en blid hustru som ikke nevnte et ord om nattens begredeligheter. (Jan Wiese)*

На следующее утро жена встретила его с нежностью, ни словом **не обмолвившись** о ночных передрыгах. (замена пассива на актив для достижения односубъектности)

8. Предложные конструкции

- Ved+infinitiv

(17) *Det fortelles blant annet at han målte høyden på en pyramide i Egypt ved å måle pyramidens skygge akkurat når hans egen skygge var like lang som ham selv. (Jostein Gaarder)*

Рассказывают, в частности, что он определил высоту египетской пирамиды, **измерив** длину ее тени в ту минуту, когда собственная тень Фалеса равнялась его росту.

- Med +infinitiv

(18) *Han skremte henne med å kle seg ut i mørke kapper, og snakke med forskjellige stemmer. (Nikolaj Frobenius)*

Он любил пугать ее, **кутаясь** в темные плащи и говоря разными голосами.

- Med + сущ.

(19) *Resten av natta lå han dødstrett og forvirret med Dinas hode på armen. (Herbjørg Wassmo)*

Совершенно опустошенный, он лежал, **держа** на своем плече голову Дины.

- Med + сущ. + причастие
 (20) *Hver kveld tok hun det frem og viste det til Hjertrud. Som satt **med bortvendt ansikt** for å skjule at hun var så ødelagt. (Herbjørg Wassmo)*
*Каждый вечер она доставала свою раковинку и показывала ее Ертруд , которая сидела **отвернув лицо**, чтобы скрыть от Дины, как оно изуродован.*
- Etter + сущ.
 (21) *Og nå skal du snart sette på potetene. Så skal du lese avisen, og **etter** en halv times **middagshvil** skal du se på Dagsrevyen. (Jostein Gaarder)*
*Сейчас ты пойдешь варить картошку, потом считаешь газету, а после ужина, **отдохнув** с полчаса, будешь смотреть по телевизору новости.*
- I + сущ.
 (22) *Uten å legge merke til henne hadde han gått videre **i** ivrig **samtale** med en venn. (Jan Wiese)*
*Он прошел мимо, не обратив на нее внимания, оживленно **беседуя** с другом .*

9. Замены другой частью речи

- Perfektum partisipp
 (23) *Nede på stasjonsgulvet, **lent** mot en avissøyle, stod David. (Erik Fosnes Hansen)*
*В зале, **прислонившись** к газетной тумбе, стоял Давид .*
- Presens partisipp
 (24) *Hun løper **gråtende** bort mens hun forbanner seg selv, sin slekt og sin datter. (Jan Wiese)*
***Рыдая** бежит она прочь, проклиная себя, свой род и дочь свою.*
- Прилагательное
*Ja, Gud i himmelen! sa han fort, **livredd** for at lensmannens datter skulle kreve handfaste vitner. (Herbjørg Wassmo)*
*Клянусь Богом на небесах! — быстро ответил Иаков, **испугавшись**, что дочь ленсмана потребует живых свидетелей*

10. Деепричастие с отрицанием

- Uten
*Tjenestefolkene sto med vridde munnviker **uten å tore** å se på hverandre, i skrekk for å briste i hemningsløs latter. (Herbjørg Wassmo)*

Служанки и работники кусали губы , **не смея** взглянуть друг на друга , чтобы не разразиться безудержным хохотом .

Før

Når det, så langt vi vet, ikke finnes andre bilder fra hans hån, må forklaringen være at han brått er rykket bort før han har rukket å male flere." (Erlend Loe)

Но поскольку, как мы знаем, иных картин, отмеченных рукою этого мастера, не имеется, вполне логично предположить , что он внезапно ушел из жизни, так и не успев создать новых произведений " .

11. Аспектуальные конструкции

(25) *Latour **sto og lyttet** til de summende stemmene, latteren, forventningen som strømmet ut i luften. (Nikolaj Frobenius)*

*Он **стоял, прислушиваясь** к гулу голосов, смеху, воздух был напоен ожиданием.*

(26) *Goupils kom stadig oftere til huset, og av og til **ble han sittende** langt utover natten **og diskutere** rentejusteringer og låntagernes soliditet. (Nikolaj Frobenius)*

*Гупиль все чаще приходил в дом Бу-Бу, иногда он **засиживался** у нее далеко за полночь, **обсуждая** проценты и надежность должников.*